

ПИТЕР ДЖЕЙМС

УБИЙСТВЕННО КРУТОЙ ДЕТЕКТИВ

УБИЙСТВЕННО
КРАСИВО

КОГДА ТЫ ОБРЕЧЕН
УМЕРЕТЬ ОНЛАЙН...

В мире продано более **19 миллионов** экземпляров
романов о Рое Грейсе

ГРАНД МАСТЕР

Детектив Рой Грейс

Питер Джеймс

Убийственно красиво

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Убийственно красиво / П. Джеймс — «Эксмо»,
2006 — (Детектив Рой Грейс)

ISBN 978-5-04-091303-9

Питер Джеймс – создатель всемирно признанной серии романов о суперинтенданте Рое Грейсе, автор множества бестселлеров New York Times и Sunday Times, лауреат ряда литературных премий. Его книги были переведены на 37 языков и разошлись по всему миру тиражом более 19 миллионов экземпляров. Без головы, но с таинственным знаком, оставленным словно по примеру маньяка из «Молчания ягнят», – в таком состоянии найден труп Джейни Стреттон. Рой Грейс берется за это расследование, еще не подозревая о свидетеле, случайно увидевшем видеозапись крайне жестокого убийства девушки. О свидетеле, который и сам теперь находится в смертельной опасности...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091303-9

© Джеймс П., 2006
© Эксмо, 2006

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	58
-----------------------------------	----

Питер Джеймс

Убийственно красиво

Peter James
Looking Good Dead

© Really Scary Books / Peter James 2006. Roy Grace®, Grace®, DS Grace®, DI Grace® and Detective Superintendent Grace® are registered trademarks of Really Scary Books Limited

© Перевод ООО «Центрполиграф», 2017

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Посвящается Хелен

Благодарности

Считаю себя в неоплатном долгу перед недавно вышедшим в отставку главным суперинтендантом уголовного розыска Сассекса Дэйвом Гейлором. Он не только оказал бесценную помощь в работе над этой книгой, но и послужил прототипом главного героя, Роя Грейса. Более того, Дэйв неустанно читал и перечитывал рукопись и открыл для меня больше дверей в мир служителей закона Соединенного Королевства и зарубежья, чем я когда-либо смел надеяться.

Я также хочу выразить самую сердечную признательность многим другим сотрудникам Сассекской полиции за их бесконечное терпение к моим назойливым расспросам, доброжелательность и готовность в любой момент прийти на помощь – особенно главному констеблю Кену Джонсу, любезно предоставившему мне полномочия наблюдать за ходом расследования, так сказать, изнутри. Горячую благодарность я испытываю к детективу-сержанту Полу Гастингсу, эксперту-криминалисту Джону Шоу, равно как к Рэю Пикэму и всем остальным сотрудникам научно-исследовательского отдела, чьи горячий энтузиазм и поддержка помогли придать форму основной части этого романа. Кроме того, огромное спасибо детективу-суперинтенданту Кевину Муру, инспектору Энди Парру, старшему суперинтенданту Питеру Коллу, детективу-сержанту холмского отделения Сассекской полиции Киту Халлету, консультанту аналитического отдела Брайану Куку, детективу-инспектору Уильяму Уорнеру и старшему следователю Стюарту Леонарду. Самые теплые чувства сохраню я и о сотрудничестве с детективом-констеблем Амандой Страуд и детективом-сержантом Луизой Пай из отдела семейных проблем и помощи несовершеннолетним, старшим следователем отдела особых расследований Тони Кейсом и консультантом службы высоких технологий Дэниэлом Сэлтером.

Мне ни за что не удалось бы обойтись без помощи коронера Эссекса доктора Питера Дина, патологоанатома доктора Найджела Киркэма и судебно-медицинского эксперта Сассекского управления патологоанатома доктора Весны Джурович, а также на удивление веселой команды морга Брайтона и Хоува – Элси Суитмен, Шона Дидкотта и Виктора Финдона.

Помимо того, не могу не упомянуть о ценных советах Тони Моннингтона и Эдди Гриббла, помогавших мне разобраться в вопросах почвоведения и химии. От души благодарю Фила Хомана – моего наставника в управлении вертолетом, Сью Анселл, великолепного юриста, и, конечно же, Криса Уэбба, без которого я бы оказался как без рук, когда мой ноутбук похитили в аэропорту Женевы. Само собой, сердечное спасибо Иможен Ллойд-Уэббер, Анне-

Лизе Линдеблад и Карине Коулман, читавших рукопись на разных стадиях и подаривших мне массу блестящих идей.

Я глубоко признателен моему чудесному агенту Кэрол Блейк за ее тяжелую, но весьма плодотворную работу и великолепные советы (и почти сверхъестественную трудоспособность!), а также Тони Малликену, Маргарет Виал, агентству «Мидас» и, уж конечно, совершенно фантастической команде моего издательства «Макмиллан». Все так охотно поддерживали меня и помогали, что я глубоко растроган. Прежде всего, мне хочется отметить Ричарда Чаркина, Дэвида Норта, Джоффа Даффилда, Анну Стокбридж, Бена Райта, Эда Рипли, Вивьен Нельсон, Лиз Джонсон, Кейтриону Роу, Клэр Раунд, Клэр Берн, Адама Хамфри, Мари Грей, Мишель Тейлор, Ричарда Эванса и моего гениального редактора Стеф Бирвирт – сокровище из сокровищ на все времена! Через Ла-Манш хочу крикнуть «Danke!» моим немецким издателям «Шерц» за их всеобъемлющую поддержку, в том числе Петеру Ломанну, Джулии Шейд, Андреа Энгену, Корделии Борхард, Бруно Бэку, Индре Хайнц и невольно внушающему трепет Андреа Дидриху – издателю, gidу и настоящему эксперту по шопингу!

Как обычно, благодарю своих верных собак Берти и Фиба: оба они, похоже, всегда чувствуют, когда я не прочь прогуляться... но еще не научились смешивать мне мартини!

Однако самая выдающаяся роль среди всех, кто помогал мне работать над книгой, безусловно, принадлежит моей любимой Хелен: сколько раз она вовремя подхватывала меня под локоть и побуждала двигаться вперед!

И, наконец, благодарю своих читателей: спасибо вам за письма и теплые слова.

Питер Джеймс

Сассекс, Англия

scary@pavilion.co.uk

www.peterjames.com

1

Парадная дверь некогда богатого особняка с террасой открылась, и на залитую июньским солнцем улицу вышла длинноногая молодая женщина в коротком шелковом платье, которое, казалось, и обтягивает ее фигуру, и развеивается вокруг. Она даже не догадывалась, что сегодня – последнее утро ее жизни.

Сто лет назад в эти высокие белые виллы, стоявшие почти вплотную к Брайтонскому приморскому бульвару, на выходные приезжали сливки лондонского общества: утонченные леди и джентльмены. Теперь же их мрачные, изъеденные солью фасады скрывали от посторонних глаз убогие мебелишки с крохотными дешевыми квартирками. Медные дверные молотки давно заменились панелями домофонов, а беспрепятственно сыпавшийся из баков на тротуар мусор кружил на ветру прямо под аляповатыми рекламными щитами риелторских агентств, допустивших все это безобразие. У бровки тротуара стояли несколько машин, все как одна загаженные голубями и чайками.

Словно по контрасту, все в молодой женщине буквально излучало радость жизни и красоту: от беззаботной манеры встряхивать длинными светлыми волосами до золотистого средиземноморского загара и стройной, почти идеальных форм фигуры. Солнечные очки, браслет-змеяка от Картье на запястье, свисающая с плеча сумочка от Ани Хиндмарш, а также легкий аромат «Исси Мияке», позволяющий даже в столь характерной для часа пик, насыщенной углекислым газом атмосфере оставаться сексуально привлекательной... Короче, это была девушка из тех, кто чувствует себя как дома везде: в бутике Бергдорфа Гудмена, в баре отеля «Шрегер» или на корме роскошной яхты в Сен-Тропе.

Неплохо для получающей ничтожную стипендию студентки юридического колледжа, которая, казалось бы, должна едва сводить концы с концами!

Однако Джейни Стреттон после смерти матери была слишком избалована отцом, чтобы всерьез относиться к самой мысли о *такой* необходимости. Ей легко удавалось зарабатывать деньги. Другое дело – иметь приличный доход благодаря выбранной ею карьере! Профессия юриста – по крайней мере, на начальном этапе – никаких жизненных благ не сулила. За плечами у Джейни было четыре года упорной учебы, и теперь ей предстояло пройти двухлетнюю стажировку в брайтонской юридической фирме присяжных поверенных в качестве помощницы адвоката, специализирующегося на разводах. Она получала от этого огромное удовольствие, несмотря на то что некоторые дела, даже на ее взгляд, были слишком запутанными и... странноватыми.

Например, такие, как вчера, когда к ним явился скромный семидесятилетний старикашка Берни Милсин в аккуратном сером костюме и тщательно повязанном галстуке. Джейни незаметно сидела в уголке кабинета и, как и ее тридцатипятилетний куратор Мартин Брум, делала заметки. По словам мистера Милсина, его супруга, будучи на три года старше, не желает кормить мужа, если он отказывается заниматься с ней оральным сексом. «Представляете, по три раза на день! – жаловался он Мартину Бруму. – Это в моем-то возрасте! Да не могу я больше так резвиться: у меня артрит и жутко болят колени, а этой гарпии все мало!»

Все, что могла сделать Джейни, – это не прыснуть со смеху. При этом она заметила, что Брум тоже едва сдерживается. Выходит, что чудить на белом свете способны не только мужчины. Похоже, странности бывают у обоих полов. Что ж, каждый день учишься чему-то новому и порой даже не понимаешь, где почерпнешь больше – в юридическом колледже Саутгемптонского университета или в обычной жизни.

Размышления Джейни, направлявшейся к своему красно-белому «Мини Куперу», прервал писк мобильного, предупредившего о поступлении нового сообщения. Она посмотрела на дисплей.

«Сегодвеч. 20.30?»

Джейни улыбнулась и ответила кратким «целую». Затем, дождавшись, когда пройдет автобус и следовавшая вплотную за ним вереница машин, открыла дверцу «Мини Купера» и несколько секунд сидела, собираясь с мыслями и думая о планах на день.

У ее кота Обжорика на спине появилась опухоль и с каждым днем неуклонно растет. Джейни это совсем не нравилось, и она хотела отвезти его к ветеринару. Она наткнулась на Обжорика два года назад: оголодавший до предела бродяжка пытался залезть в один из ее мусорных баков. Джейни впустила кота в дом, и тот не изъявил ни малейшего намерения уходить. Может быть, из типично кошачьей независимости – мол, где хочу, там и живу, – а может, она сама его разбаловала. Но, черт возьми, Обжорик оказался ласковым и нежным созданием, а больше баловать ей было некого. Надо будет попробовать договориться сегодня на конец дня. Джейни прикинула, что если появится у ветеринара к половине седьмого, то у нее останется куча времени.

В обеденный перерыв надо купить поздравительную открытку и подарок отцу: в пятницу ему стукнет пятьдесят пять. Они не виделись уже месяц, поскольку папа мотался по делам в Штаты. Похоже, в последнее время он ездит в командировки все чаще, болтаясь, как потерянный, в поисках женщины, способной ему понравиться и заменить жену, а его дочери – мать. Отец никогда не говорил с ней об этом, но Джейни знала, насколько он одинок. К тому же он очень беспокоится о своем бизнесе, который, судя по всему, переживает не лучшие времена. И то, что они живут всего в пятидесяти милях друг от друга, положения не спасает.

Застегивая ремень безопасности, Джейни никоим образом не подозревала о направленных на нее с расстояния чуть более двухсот ярдов телескопических линзах цифровой фотокамеры «Пентакс», чье едва слышное пощелкивание тонуло в шуме моторов.

– Она выезжает, – сказал в трубку мобильного наблюдавший за девушкой мужчина.
– Ты уверен, что это она? – Стальной голос его собеседника прозвучал четко и отрывисто.
«Посмотреть на такую цыпочку – одно удовольствие», – подумал человек с «Пентаксом».
Даже через несколько дней круглосуточного наблюдения за Джейни – как у нее дома, так и повсюду, где она только бывала, – девчонка по-прежнему «била ниже пояса».
– Да, уверен, – буркнул он, хотя счел вопрос просто-напросто дурацким.

2

– Я в поезде! – проорал в мобильник сидевший рядом с Томом здоровенный жирный увалень с физиономией умственно отсталого младенца. – В поезде. В по-ез-де!.. Да-да, хреновая связь.

Тут поезд вошел в туннель.

– Твою мать! – буркнул Увалень.

Зажатый на скамье между ним справа и яростно строчившей что-то в блокноте девицей, источавшей тошнотворный приторно-сладкий запах духов, слева, Том Брайс криво усмехнулся. Симпатичный тридцатилетний мужчина в шикарном костюме с приятным открытым лицом, в данный момент слегка осунувшимся от усталости, и спадающей на лоб темно-каштановой челкой, он то и дело ерзал в удушающей жаре вагона, утирая пот и чувствуя себя столь же неудобно, как приобретенный для жены букетик цветов в багажной сетке наверху. Температура в салоне зашкаливала за тридцать, но казалось, что гораздо жарче. В прошлом году Том ездил первым классом – в вагонах с кондиционером и не так плотно набитых, но сейчас приходилось экономить. Несмотря на то что раз в неделю или около того он по-прежнему любил порадовать Келли цветами.

Полминуты спустя, стоило поезду вырваться из туннеля, Увалень снова нажал на кнопку мобильного, и кошмар возобновился.

– Только что проехали туннель! – проорал он так, словно они все еще находились там. – Да, мать твою, просто не верится! Неужто до сих пор никто не придумал такие провода или еще какую-нибудь хреновину, чтобы наладить нормальную связь? В туннеле, понимаешь? Кое-где в автомобильных туннелях она ведь уже есть, верно?

Том постарался отвлечься и сосредоточиться на электронной почте в ерзающем у него на коленях ноутбуке «Макинтош». Всего-навсего очередное паршивое завершение очередного паршивого дня в конторе. Ему надо было ответить более чем на сто писем, а их с каждой минутой становилось все больше. Он разбирал эти авгиевы конюшни каждый вечер, прежде чем отправиться в постель, – только это незыблемое правило помогало поддерживать рабочую форму на высоте. Какую-то часть составляли анекдоты (их Том собирался просмотреть позже), какую-то – не слишком благопристойные послания друзей со скабрёзными картинками, которые он по опыту зарекся открывать в поезде: с тех самых пор, как, сидя рядом с почтенной леди, имел неосторожность заглянуть в очередное послание, где оказалась обнаженная блондинка, с увлечением орально ублажавшая осла.

Поезд постукивал и позвякивал, раскачивался и трясся, мелко вибрировал, въезжая в очередной туннель по пути к Брайтону... В щели приоткрытых окон над головой со свистом задувал ветер, а стук колес, отражаясь от невидимых в темноте стен, создавал гулкое эхо. Неожиданно в вагоне запахло старыми носками и копотью. Висевший на крючке кейс начал раскачиваться, и Том нервно посмотрел вверх, проверяя, не собирается ли тот упасть. На пустой доске объявлений над головой толстой, неряшливого вида девицы в тесной юбке, читавшей журнал «Хит», кто-то коряво намалевал черной краской из баллончика: «ЧАЙКИ – ЗОСРАНКИ!»

Вполне в духе футбольных фанатов, подумал Том. Даже свои любимые ругательства не могут написать грамотно.

По его шее стекали струйки пота, проникая за воротник, и сшитая на заказ белая рубашка неприятно липла к коже. С каким наслаждением Том сейчас снял бы пиджак, распустил узел галстука, а заодно скинул слишком узкие черные туфли от «Прады». Когда поезд наконец вырвался из очередного туннеля и он оторвал покрытое испариной лицо от монитора, воздух за окном мгновенно изменился: теперь он был напоен сладким и густым ароматом даунлендского разнотравья, а еще через несколько минут в нем появится и едва заметный привкус соли, принесенный ветром с Ла-Манша. После четырнадцати лет непрерывных разъездов Том мог с закрытыми глазами определить, когда приближается к дому.

Некоторое время он любовался из окна на проплывающие мимо поля, фермерские коттеджи, мощные опоры акведука и водохранилище, отдаленные пологие холмы, а затем вернулся к электронной почте. Том прочитал и удалил письмо от своего менеджера по продажам, затем ответил на жалобу – вот еще один важный клиент сердится, что заказ для летней рекламной кампании не поступил вовремя: на сей раз шариковые ручки с названием фирмы, а ранее – именные зонтики для гольфа. Весь его отдел заказов и доставки пребывал в полном беспорядке – отчасти из-за установки новой компьютерной программы, но в большей степени – из-за неспособного разобраться в ней идиота. На уже довольно тесном рынке это наносило Тому серьезные убытки: два крупных клиента – бюро проката автомобилей «Авис» и компьютерная фирма «Эпл» – недолго думая, на одной неделе ушли к конкурентам.

Кошмар, да и только!

Бизнес скрипел по швам под тяжестью долгов, отчаянно требуя расширения поля деятельности и применения новых методов работы. Это было то же самое, что перезаложить дом. Он никогда бы не позволил Келли уговорить его сменить жилье – во всяком случае, не в тот момент, когда цены на рынке падают, а его бизнес переживает далеко не лучшие времена. Теперь Том изо всех сил старался сохранить платежеспособность. Фирма постепенно превращалась в убыточную. Однако, несмотря ни на какие увещевания, Келли как безумная продолжала сорить деньгами. Почти каждый день она покупала что-то новое (в основном на eBay), а поскольку всякий раз считала это «выгодной сделкой», то не желала признавать себя мотовкой. Кроме того, возражала она мужу, он всегда покупает себе дорогие дизайнерские вещи – так за что корить ее?! Похоже, ее совершенно не волновало, что Том подыскивает себе одежду лишь на распродажах, да и то потому, что в его бизнесе внешность играет крайне важную роль.

Он настолько расстроился, что недавно даже разоткровенничался насчет несурзных трат жены с другом, лечившимся от тяжелой депрессии после долгого и мучительного развода. За водкой с мартини – напитком, коим Том за последние месяцы увлекался все больше, – Брюс Уоттс поведал ему о существовании особого типа людей, по натуре не способных удержаться от безрассудного мотовства, но это лечится. Том подумал, не подхватила ли Келли слишком тяжелую форму этой «болезни» – и если да, как с этим бороться.

– Привет, Билл, это Рон! – тем временем снова завопил Увалень. – Да-да, верно, тот самый! Просто я подумал, что мне стоит по-быстрому рассказать тебе... Черт! Билл! Алло!

Том, не поворачивая головы, покосился на соседа. Судя по всему, его мобильник заглох. Вот уж смилоствовался Господь! Иногда и в самом деле в него поверишь! И тут же послышалось пиликание другого телефона.

«Да это же мой», – понял он, почувствовав вибрацию в кармане рубашки. Украдкой оглядевшись, Том достал его, посмотрел на определитель номера и закричал что было сил:

– Привет, дорогая! Я в поезде! В по-е-зде! Я опаздываю! – Он улыбнулся Увальню, наслаждаясь краткими мгновениями мести.

Пока он говорил с Келли, понизив голос до более цивилизованного тона, поезд затормозил на станции Престон-парк, последней остановке перед Брайтоном. Увалень, подхватив крошечную, дешевого вида пластиковую сумку и матерчатую тележку, вышел. Состав двинулся дальше, и лишь через несколько секунд после окончания разговора Том заметил на соседнем сиденье забытый компакт-диск.

Он подобрал его и осмотрел, пытаясь найти хоть что-нибудь, указывающее на имя владельца. Диск лежал в коробочке из дымчатого пластика – без каких-либо наклеек или надписей. Открыв ее, Том достал серебристый диск, перевернул его и тщательно изучил со всех сторон, но так ничего и не обнаружил. Что ж, он вставит его в свой компьютер, откроет и посмотрит, нет ли там чего полезного, а нет, так отдаст в бюро находок. Не то чтобы Увалень этого заслуживал...

По обе стороны железнодорожных путей постепенно поднимались высокие меловые утесы, затем тот, что слева, уступил место домам и парку. Еще несколько минут – и Том в Брайтоне. Времени возиться с компакт-диском уже не было, придется посмотреть его вечером.

Будь у Тома хотя бы малейшее представление, в какой кошмар эта чертова штуковина вскоре ввергнет его жизнь, он бы и пальцем к ней не притронулся!

3

Щурясь от низкого закатного солнца, Джейни в панике сверилась с часами на приборной доске «Мини Купера» и тут же вперила взгляд в наручный браслет. 19.55. Боже!

– Обжорик, мы уже почти дома! – звенящим от волнения голосом бросила она, проклиная вечно забитую брайтонскую прибрежную автостраду и себя за то, что не выбрала другую дорогу. Затем отправила в рот подушечку жвачки.

В отличие от хозяйки, кот не намечал на сегодня никаких страстных свиданий и никуда не торопился. Он спокойно сидел в корзине-переноске на переднем сиденье машины, мрачно взирая на мир сквозь прутья решетки, – возможно, разнервничался, да и кому понравится ветеринарный осмотр? Джейни протянула руку, чтобы переноска не качалась, когда она слишком быстро свернула на свою улицу, и сбросила скорость, подыскивая место для парковки.

Она вернулась намного позже, чем рассчитывала – ее задержал шеф, – надо же, чтобы именно сегодня! Как нарочно подгадал! Пришлось помочь готовить материалы для завтрашнего разбирательства с клиентом по одному особенно каверзному делу о разводе.

Клиент был нахальным и самоуверенным, хотя и смазливый бездельником, женившимся на богатой наследнице и теперь рассчитывавшим отхватить от ее состояния изрядный куш. Джейни возненавидела его с того самого момента, как несколько месяцев назад впервые увидела в кабинете шефа: с ее точки зрения, это был типичный паразит, и девушка втайне надеялась, что он не получит ни пенни. Она никогда не делилась подобными соображениями с шефом, хотя и подозревала, что он испытывает те же самые чувства.

Потом Джейни больше получаса промариновали в приемной клиники, пока их с Обжориком наконец не впустили в кабинет ветеринара мистера Конти. Консультация не принесла ей особой радости. Кристиан Конти, молодой и довольно угрюмый для людей этой профессии, долго осматривал опухоль на спине кота, а затем ощупал все тельце. В итоге Конти попросил привезти Обжорика на следующий день для биопсии, и у Джейни от ужаса захватило дух: а вдруг доктор заподозрил, что опухоль – злокачественная?!

Доктор Конти как мог постарался развеять ее опасения и перечислил целый список других возможных заболеваний, но девушка все равно вышла от хирурга в самом угнетенном состоянии.

Заметив впереди маленький проем между двумя машинами, совсем рядом с ее дверью, Джейни затормозила и дала задний ход.

– Ты в порядке, Обжорик? Голодный?

За те два года, что кот прожил у нее, она привязалась к рыжевато-белому зверьку с пышными бакенбардами и зелеными глазами. Казалось, в этих глазах светится сама кошачья душа: вот он, вроде бы тихо мурлыча, спит на коленях у хозяйки перед телевизором и вдруг бросит на нее такой взгляд: совсем человеческий, взрослый, все понимающий... Как же был прав тот, кто сказал: «Иногда, играя со своим котом, я задумываюсь: а не он ли играет со мной?»

Джейни слегка подала назад, пытаясь занять свободное место, однако промахнулась. Пришлось попробовать еще раз. Что ж, не идеально, но все-таки сойдет. Закрыв люк на крыше, она подхватила переноску и вылезла из машины, чуть помедлив, чтобы еще раз уточнить время, словно каким-то чудом могла ошибиться. Увы, нет. Одна минута девятого!

На то, чтобы покормить Обжорика и переодеться, оставалось всего полчаса. А ведь у нее свидание с парнем, просто помешанным на пунктуальности! Перед встречей он всегда требовал точнейшего соблюдения ритуала: руки и ноги должны быть начисто выбриты, одни и те же точки слегка надушены «Исси Мияке», голова вымыта привычными шампунем и кондиционером, косметика – только та, что он выбрал для нее сам... Даже волосы внизу живота ей полагалось стричь чуть ли не под корень – на «бразильский лад».

Он заранее предупреждал, какие платье и драгоценности надеть, даже в каком месте квартиры она обязана его дожидаться. С его появлением в жизни Джейни все изменилось – она всегда была независимой по натуре и не позволяла мужчинам собой вертеть. Но что-то в этом деспоте притягивало ее настолько неудержимо, что она была не в силах противиться. Это был ершистый уроженец Восточной Европы, мощного телосложения и обожавший ярко одеваться, в то время как все мужчины, с которыми Джейни когда-либо встречалась раньше, были слишком мягки и «цивилизованны». После всего трех свиданий девушка почувствовала, что угодила в рабскую зависимость: от одной мысли о нем ее бросало в жар.

Заперев «Мини Купер» и повернув к дому, Джейни второпях даже не заметила единственную на улице машину, не загаженную голубями и чайками: блестящий черный «Фольксваген GTI» с тонированными стеклами, припаркованный чуть впереди. Сидевший на водительском месте и невидимый извне человек, не переставая наблюдать за ней в крошечный бинокль, достал мобильный телефон и набрал номер.

4

Вскоре после половины восьмого Том Брайс, миновав на своем спортивном серебристом «Ауди Эстейте» теннисные корты, оказался в районе Хоув-парка – излюбленного места отдыха брайтонцев. Вот и сейчас здесь было полно народу: кто-то выгуливал собак или играл в спортивные игры, а кто-то просто лениво загорал на траве, наслаждаясь теплом этого долгого дня в самом начале июня.

Окна в машине были опущены, и в салоне витал ветерок, напоенный запахом недавно подстриженных газонов, прекрасно сочетавшийся с мягким голосом Гарри Конника-младшего, которого Том любил, а Келли считала не заслуживающим внимания. Впрочем, Синатра ей был тоже до лампочки. Она была органически не в силах воспринять хороший вокал, поскольку страстно обожала такие стили, как «хаус» и «гараж»: все эти таинственные пульсирующие звуки, каковые ему никогда не удавалось связать воедино.

Чем дольше они жили вместе, тем, казалось, меньше у них остается общего. За последнее время Том не мог вспомнить, чтобы им понравился один и тот же фильм, и «Джонатан Росс» по вечерам в пятницу был чуть ли не единственной телепрограммой, которую они постоянно смотрели вместе. Но они любили друг друга, в этом-то он не сомневался. К тому же дети – важнее *всего*.

Эти вечерние минуты Том ценил больше всего на свете: вернуться домой к обожаемой семье! И сейчас контраст между липкой духотой Лондона, а затем – мучениями в поезде и очарованием тихого брайтонского вечера казался особенно ощутимым.

Его душевный подъем достиг головокружительных вершин к тому моменту, когда он пересек чванливую Вудленд-Драйв, прозванную в городе Садком миллионеров, с ее длинными рядами симпатичных, стоящих особняком домов: многие из них от дороги отделяли живая изгородь, а то и лесок. Келли мечтала когда-нибудь тут поселиться, но сейчас по финансовому положению семья Брайс пребывала не в той весовой категории. «И, судя по тому, как идут дела, скорее всего, там и застрянет», – хмуро подумал Том. Он продолжал ехать на запад, вдоль куда более скромной Голдстоун-Кресцент, по обе стороны застроенной аккуратными коттеджами на две семьи, а затем свернул направо на Верхнюю Виктория-авеню.

Никто точно не знал, почему ее называют «верхней», поскольку «нижней» Виктория-авеню в городе не было. Пожилой сосед Тома Лен Уэйнрайт, тайно прозванный им с Келли Жирафом, поскольку вымахал почти до семи футов, однажды в приступе не вполне здоровой эрудиции проорал через ограду, разделяющую их участки: должно быть, это потому, что улица ведет к вершине довольно крутого холма. Конечно, это было не самым толковым объяснением, но лучшего никто пока не придумал.

Верхняя Виктория-авеню располагалась в районе, построенном лет тридцать назад, но до сих пор выглядящем так, будто он еще не достиг зрелости. Платаны вдоль улицы по-прежнему смахивали на подростки саженцы, а не настоящие деревья, красный кирпич двухэтажных коттеджей все так же блестел чистотой, деревянная, в тюдоровском стиле, отделка крыш не пострадала от нашествия червей и непогоды. Это была тихая улочка с кучкой магазинов на горке, где в основном жили сами владельцы – как правило, молодые пары с детишками. В отличие от Лена и Хильды Уэйнрайт, пенсионеров из Бирмингема, переехавших сюда по совету врача: мол, морской воздух будет полезен для астматички Хильды. Впрочем, Том придерживался мнения, что старушке было бы куда полезнее не выкуривать по две пачки сигарет в день.

Он загнал свой «Ауди» на стоянку рядом со ржавеющим «Эспейсом» Келли, сунул в карман мобильник и вылез из машины, прихватив с собой кейс и букет цветов. Газетный киоск напротив был еще открыт, как и маленький гимнастический зал, но в парикмахерской, скобяной лавке и риелторском агентстве жалюзи были опущены. Неподалеку на автобусной остановке, передавая друг другу сигарету, топтались две девочки-подростка, вырядившиеся для вечерней дискотеки в такие короткие мини-юбки, что едва прикрывали ягодицы. На секунду задержав взгляд на их стройных ножках, Том тут же почувствовал себя старым развратником и поспешно отвернулся.

А затем он услышал, как открылась входная дверь и голос Келли возбужденно прокричал: – Папа вернулся!

Будучи бизнесменом, Том никогда не лез за словом в карман, но попроси его кто-нибудь описать, что он испытывает каждый вечер по будням, когда приезжает домой и его радостно встречают самые близкие на свете люди, вряд ли сумел бы это сделать. Это был сплошной поток радости, гордости, чистой любви... Если бы он мог навеки запечатлеть хоть какое-то мгновение жизни, наверняка выбрал бы это: вот он стоит на пороге, детишки с радостным визгом крепко его обнимают, а их восточноевропейская овчарка Леди уже с надеждой на морде сжимает в зубах поводок, шлепая лапой по земле и бешено виляя хвостом. И тут навстречу выходит сияющая Келли...

Она и в самом деле стояла на пороге в брючках из денима и белой футболке, ее лицо, обрамленное светлыми кудряшками, освещала чудесная улыбка. Том вручил ей букет розовых, желтых и белых цветов.

Келли поступила так же, как всегда, когда он дарил ей цветы. Ее голубые глаза сверкнули от радости, секунду она повертела их в руках, восхищенно ахая, как будто это самый чудесный букет из всех, что она когда-либо видела. Затем она поднесла его к носу – маленькому, вздернутому носику, столь любимому Томом, – и понюхала их.

– Ого! Вы только посмотрите. Розы! Мои самые любимые цветы самых любимых расцветок. Ты такой заботливый, дорогой! – Она поцеловала мужа.

Сегодня поцелуй длился дольше обычного. Может быть, ночью ему повезет? «Или, прости господи, – подумал он, и на миг сердце екнуло от дурного предчувствия, – Келли готовит меня к известию о какой-нибудь очередной безумной новой покупке?»

Но когда Том вошел, она промолчала, а он не увидел ни одной упаковочной картонки или ящика, никаких «технических новинок» и прочих штучек-дрючек. Десять минут спустя, стянув пропотевший костюм, приняв душ и пере-одевшись в шорты и футболку, он вышел из ванной, и его неустойчивое настроение обрело ровное (пусть даже временное) стремление вверх.

Макс – семь лет, четырнадцать недель и три дня от роду – изображал Гарри Поттера; он был в каких-то несусветных резиновых браслетах и гордо щеголял сразу в двух натянутых одна на другую майках: белой с лозунгом «Отправим нищету в прошлое!» и черно-белой с антирасистским призывом «Встань и не сдавайся!».

Довольный тем, что Макс проявляет интерес к окружающему миру, пусть даже не понимая точного значения надписей, Том сидел в кресле у постели сына в комнатке с ярко-желтыми обоями и по второму разу читал ему вслух любимую книжку. Макс, свернувшись на постели клубком и высунув светловолосую растрепанную головенку из своего «гаррипоттеровского» облачения, с широко раскрытыми глазами жадно ловил каждое слово.

У четырехлетней Джессики болели зубы, и она вдруг закапризничала – естественно, никакие сказки или истории сейчас девчушку не интересовали. Ее жалобное похныкивание за стеной, похоже, не поддавалось никаким увещаниям Келли.

Дочитав главу, Том чмокнул сына в нос и, пожелав ему спокойной ночи, поднял с пола сумку и поставил на полку рядом с игровой приставкой «Плэйстейшн». Потом выключил свет и еще раз послал Максу от двери воздушный поцелуй. Заглянув в розовую комнатку Джессики – настоящее царство Барби, – он увидел зареванную мордочку дочери. Келли, державшая на коленях «Груффало»¹, лишь беспомощно пожала плечами. Пару минут Том пытался успокоить дочь сам, но столь же безуспешно. Келли сказала, что на утро записала ее на срочный прием к дантисту.

Том спустился вниз, осторожно проскользнув между двумя забытыми на ступеньках Барби и подъемным краном из конструктора «Лего» на кухню, где витал дразнящий аромат вкусного ужина, и едва не споткнулся о трехколесный велосипед Джессики. Леди, развалившись в корзине и сосредоточенно обглаживая кость размером с ногу динозавра, вновь с надеждой посмотрела на него и заискивающе дернула хвостом. Потом выпрыгнула из корзины, обошла комнату и, завалившись на спину, задрала лапы.

Почесав ее ногой, отчего Леди, глуповато, по-собачьи, улыбаясь, затрясла ушами, Том сказал:

– Попозже, старушка-приставушка, обещаю. Будет тебе прогулка. О'кей? Договорились?

Именно эта кухня окончательно повлияла на решение Келли купить дом. Предыдущие владельцы потратили на нее целое состояние: все из мрамора и рифленой стали, а уж Келли постепенно добавила чуть ли не все мыслимые и немыслимые приспособления, какие только мог позволить их трещавший по швам банковский счет.

¹ «Груффало» – популярная стихотворная сказка о мышонке и фантастическом лесном чудовище.

В окно был виден маленький прямоугольный садик и посреди него – разбрызгивающий воду распылитель. Сейчас под водяным зонтиком нежился черный дрозд, подняв крыло и почесываясь клювом. На бельевой веревке висели крошечные яркие детские одежки, под ними на траве лежал пластмассовый скутер. В крохотной теплице в конце сада росли посаженные самим Томом помидоры, малина, клубника и кабачки.

Он впервые попытался что-то вырастить собственными руками и теперь страшно гордился своими достижениями – пока что. Над оградой виднелась длинная, унылая физиономия Жирафа: сосед день-деньской торчал в саду, что-нибудь подстригая, пропалывая, сгребая листья, поливая: его долговязая фигура так и дергалась вверх-вниз, вверх-вниз, подобно старому усталому подъемному крану.

Затем Том в поисках чего-нибудь новенького окинул взглядом одну из стен, стараниями Макса и Джессики почти сплошь покрытую акварельными и карандашными рисунками. В отличие от Гарри Поттера, Макс сходил с ума по автомобилям, и большинство его картин было посвящено какой-либо технике. На рисунках Джессики красовались какие-то странные люди и еще более странные животные, причем в небе всегда сияло яркое солнце. Обычно она была жизнерадостной девчушкой, и, увидев ее сегодня в слезах, Том очень расстроился. Вот и полюбоваться чем-нибудь новым не удалось.

Он сделал себе коктейль – водка «Полстар» с клюквенным соком, добавив туда толченого льда из их шикарного американского холодильника, еще одной «выгодной сделки» Келли, со встроенным в дверцу телеэкраном, – и перенес стакан в гостиную. Затем прикинул, не устроится ли ему в музыкальном уголке, где все еще солнечно, или посидеть в саду на лавочке, но вместо этого решил немного посмотреть телевизор.

Взяв пульт, Том уселся в свое дорожное откидное кресло, заказанное по интернету исключительно для себя, перед самой последней экстравагантной «выгодной сделкой» Келли: огромным телевизором «Тошиба» с плоским экраном. Он занимал полстены и обошелся Тому в кошмарную сумму, хотя, надо признать, по нему было здорово смотреть спортивные программы. Как обычно, на экране возникла заставка потребительского канала QVC. Разумеется, подключенная к телевизору клавиатура Келли лежала рядышком – на диване.

Том перебрал несколько каналов, пока не наткнулся на «Симпсонов» и немного их посмотрел. Ему нравился этот сериал, а самым любимым персонажем был Гомер. Том ему сочувствовал. Что бы этот бедолага ни делал, ему всегда крепко доставалось.

Прихлебывая коктейль, Том почувствовал, как ему становится легче. Он любил это кресло, эту комнату со столовой в одном конце и просторным музыкальным уголком – напротив. Любил развешанные повсюду фотографии детей и жены, абстрактные картины в рамках, зарисовки Дворцового пирса – в общем, «доступное искусство», нравившееся и ему, и Келли, – а также стеклянный шкафчик, набитый призами за победы в состязаниях по гольфу и крикету.

Наконец плач Джессики наверху стих. Том допил коктейль и делал себе новый, когда на кухню вошла Келли. Несмотря на усталое выражение лица, отсутствие косметики и рождение двоих детей, жена по-прежнему выглядела стройной и прекрасной.

– Ну и денек! – воскликнула она, драматически всплеснув руками. – Пожалуй, я тоже не прочь немножко выпить.

Это был хороший признак: от алкоголя она всегда становилась любвеобильной. К тому же Том весь день мечтал о близости с ней. Он проснулся в шесть утра, как обычно возбужденный, и, как обычно, навис над Келли в надежде на теплый прием. Увы! Том уже давно заподозрил, что у его супруги есть некая тайная кнопка и стоит на нее нажать, как в спальню влетают дети, сводя на нет все его поползновения.

«В каком-то смысле моя жизнь катится по проторенной дорожке, – подумал он. – Постоянные проблемы на работе, постоянно растущие долги и постоянный голод в постели».

Пока Келли помешивала в горшочках жюльен из цыпленка, одновременно ловко управляясь с полной картошки тушильницей и регулируя температуру в духовке, Том, млея от восхищения, сделал ей большой коктейль: сам он ни за что не осилил бы столько дел сразу.

– Ну как, Джесс полегчало?

– Сегодня она была капризулей, только и всего. С ней все отлично. Я дала ей лекарство, которое снимет боль. Как прошел день?

– Лучше не спрашивай.

Келли обхватила лицо Тома ладонями и поцеловала.

– Когда у тебя в последний раз был удачный день?

– Прости, я и не думал жаловаться.

– Ну так поговори об этом. В конце концов, я – твоя жена, со мной-то ты поделиться можешь!

Том благодарно взглянул на Келли и, прижав к себе, поцеловал в лоб.

– За ужином. Ты такая красивая. И с каждым днем становишься все прекраснее.

Келли с усмешкой покачала головой.

– Нет, все дело в твоём зрении – боюсь, это возрастное. – Она отступила на шаг и небрежным жестом очертила собственную фигуру. – Тебе это нравится?

– Что именно?

– Эти брючки.

Настроение у Тома моментально испортилось.

– Это что, обновка?

– Да, только сегодня доставили.

– Что-то они не похожи на новые.

– И не должны. Это от Стеллы Маккартни. Круто, верно?

– От дочери Пола?

– Да.

– Я думал, у нее дорогие вещи.

– Как правило, да, но... это была выгодная сделка.

– Разумеется. – Он продолжал смешивать ей коктейль, не желая ссориться.

– Я пошарила в интернете насчет отпуска и нашла очень симпатичный вариант. И еще выяснила, когда мама с папой смогут взять детей, – первая неделя июля. Это подходит?

Том достал из кармана наладонник и заглянул в календарь.

– На третьей неделе у нас выставка в «Олимпии», но начало июля подходит. Только это должно быть что-то по-настоящему дешевое. Может, нам поехать отдохнуть где-нибудь в Англии?

– Что ты! – воскликнула Келли. – Цены в Сети баснословно низкие! За неделю в Испании мы потратим куда меньше, чем если бы остались дома! Можешь заглянуть на кое-какие сайты: я их тебе записала. Посмотри после ужина. Подружка Холли с нашей улицы сумела отхватить недельный тур в Санта-Люцию всего за двести пятьдесят фунтов. Может, и впрямь стоит серьезно подумать о Карибах?

Том спрятал наладонник, обнял жену и поцеловал.

– Я подумал, что сегодня могу дать компьютеру отдохнуть и сосредоточиться на тебе.

Келли ответила на поцелуй.

– Терпеть не могу эту твою манеру уходить от темы! – Она лукаво улыбнулась. – И еще я хотела посмотреть программу Джейми Оливера. Ты его терпеть не можешь, и тебе будет куда интереснее провести эти полчаса наверху со своим драгоценным «ящиком».

– Куда бы ты хотела поехать больше всего, если бы мы могли себе это позволить? – спросил Том, передавая ей высокий бокал.

– Куда угодно, где нет вопящих детей.

– Ты и в самом деле не против оставить их? Не передумала? Уверена? – Прежде Келли никогда не соглашалась даже ненадолго расстаться с детьми.

– В данный момент я бы с удовольствием их продала, – засмеялась она и одним глотком осушила полбокала «Морского бриза».

Через час, вскоре после девяти, Том поднялся к себе в кабинетик с видом на улицу. Солнце еще не зашло: он обожал долгие летние вечера и с удовольствием подумал, что еще несколько недель они будут становиться все длиннее. Вдалеке – между двумя домами напротив – поблескивал маленький синий треугольник Ла-Манша. По небу стремительно пронеслась стайка жаворонков. С соседского двора долетел запах жареного мяса – настолько аппетитный, что в животе у Тома заурчало, даже несмотря на то, что он только что поужинал.

В гимнастическом зале какой-то бедняга из последних сил отжимался от скамейки, над ним нависал тренер. Это напомнило Тому, что не считая ежедневной короткой прогулки с Леди вокруг квартала, он месяцами обходится без физической нагрузки.

Может быть, хотя бы в такую погоду стоит гулять с Леди подольше? Или снова заняться плаванием? Игра в гольф раз в неделю никак не влияла на его талию, а кроме того, Том терпеть не мог сборища мужчин с дряблыми пивными животиками в раздевалке гольф-клуба и с беспокойством осознавал, что и сам вот-вот обзаведется таким же. Словно мысленно отдавая себе приказ, он помял живот кулаками. *Погоди-погоди, к отпуску ты у меня как следует подтянешься!*

Прихлебывая уже третий коктейль, Том чувствовал приятную расслабленность, заботы сегодняшнего дня утонули в легком алкогольном тумане. Он поставил стакан рядом и нерешительно посмотрел на цифровую видеокамеру, прикрепленную к столу на высоком штативе, благодаря которой время от времени связывался с живущим в Австралии братом, затем включил ноутбук и открыл папку «Входящие». Почти тотчас же Том наткнулся на сообщение от своего бывшего шефа из «Мотивэйшн бизнес» Роба Кемпсона – они до сих пор поддерживали дружеские отношения:

«Том,
в темпе ознакомься с приложением!
Роб».

Вместо того чтобы щелкнуть мышкой, Том достал из коробочки забытый Увальнем в поезде компакт-диск и вставил в компьютер. Тут же включилась антивирусная программа, но, когда иконка компакт-диска наконец возникла на мониторе, его по-прежнему нельзя было идентифицировать. Том дважды щелкнул мышкой.

Секунду спустя рабочий стол компьютера опустел, а на мониторе появилось маленькое окошко с сообщением:

«Подтвердите правильность адреса «Макинтоша».
Чтобы продолжить, щелкните «ДА», чтобы выйти из системы – «НЕТ».

Решив, что это обычные проблемы совместимости систем «Виндоуз» и «Эппл-Макинтош», Том нажал «да».

Через мгновение выскочила новая надпись:

«Добро пожаловать, абонент. Соединение устанавливается».
А следом за ней – логотип:

«СКАРАБ ПРОДАКШН».

Почти сразу он растворился, и на мониторе проступили очертания комнаты. Изображение было слегка зернистым, словно Том видел его через глазок камеры видеонаблюдения.

Это была довольно большая комната, на вид – женская, с маленькой двуспальной кроватью, накрытой стеганым одеялом и беспорядочно разбросанными по нему подушками, неприятным ночным столиком, деревянным комодом в изножье постели, парой пушистых ковров на полу и закрытыми вертикальными жалюзи. Ее освещали две прикроватные лампы, еще одним источником света служила полуоткрытая дверь ванной. На стенах висела пара черно-белых фотографий «ню» работы Гельмута Ньютона. Напротив кровати стоял большой шкаф с зеркалом, в котором отражалась дверь, судя по всему, ведущая в коридор.

Из ванной, поправляя одежду, вышла стройная молодая женщина и, явно нервничая, посмотрела на часы. Элегантная и красивая, с длинными светлыми волосами, одетая в облегающее черное платье, с ниткой жемчуга на шее, она держала под мышкой сумочку с таким видом, словно собиралась на вечеринку. Она немного напомнила Тому Гвинет Пэлтроу, и на долю секунды ему даже показалось, что это она. Однако стоило девушке повернуть голову, и он увидел, что ошибся, хотя она была очень похожа на актрису.

Незнакомка присела на край постели и, к удивлению Тома, скинула туфли на высоком каблуке, а затем снова встала и принялась расстегивать платье.

Буквально через несколько секунд дверь у нее за спиной распахнулась, и в комнату вошел коренастый, мощного телосложения мужчина во всем черном вплоть до надвинутого на лицо капюшона. Закрыв дверь затянутой в перчатку рукой, он медленно направился к явно не подозревавшей о его присутствии женщине, тем временем расстегивавшей ожерелье.

Мужчина достал из-под кожаной куртки нечто блеснувшее в свете ламп, и Том ошарашенно подался к монитору, когда понял, что это такое: длинный и узкий стилет.

Настигнув женщину двумя быстрыми шагами, мужчина обхватил ее за горло и всадил стилет меж лопаток. Женщина ахнула от боли, и Том застыл на месте, не понимая, то ли это актерская игра, то ли все происходит на самом деле. Однако, когда мужчина выдернул стилет, лезвие было покрыто чем-то красным, весьма смахивавшим на кровь. Он ударил ее еще раз, затем – еще, и из ран фонтанами брызнули тугие алые струи.

Женщина упала на пол. Мужчина опустился на колени, сорвал с нее платье, полоснул по застежке лифчика ножом и, стянув его, грубо перевернул жертву на спину. Ее глаза закатились, большие груди свесились набок. Вспоров резинку черных колготок, он одним движением сдернул их и несколько секунд любовался восхитительным обнаженным телом... а затем всадил нож в живот чуть повыше стриженных на «бразильский лад» волосков.

Борясь с тошнотой, Том положил руку на клавиатуру, стремясь как можно скорее уйти с сайта, но болезненное любопытство заставляло смотреть дальше. Вдруг это и впрямь актриса, а нож – бутафорский, как и кровь, хлещущая у нее из живота? Мужчина продолжал с остервенением орудовать ножом.

Услышав звук открывающейся двери, Том чуть не подпрыгнул от испуга и резко обернулся. Перед ним стояла Келли с бокалом вина, явно навеселе.

– Ну что, милый, нашел что-нибудь интересненькое?

– Нет, – чуть дрожащим голосом пробормотал Том. – Ничего... нет... Я...

Она обняла его за шею, пролив несколько капель вина на компьютер.

– Ой, прос-с-сти, милый!

Том достал из кармана платок и вытер вино. Пока он этим занимался, Келли сунула свободную руку ему за пазуху и принялась теребить сосок.

– Я решила, что на сегодня ты поработал достаточно. Пошли в постельку.

– Через пять минут, – выдавил он. – Дай мне пять минут.

– Через пять минут я могу уже заснуть.

Том повернулся и поцеловал ее.

– Две минуты. О'кей?

– Одну! – заявила Келли и, слегка пошатываясь, вышла из кабинета.

– Я еще не выгуливал Леди.

– Днем она нагулялась вдосталь. С ней все в порядке – я ее уже выводила.

Он улыбнулся:

– Одна минута. О'кей?

Келли погрозила ему пальцем:

– Тридцать секунд!

Едва за женой закрылась дверь, Том поднял крышку компьютера.

На мониторе появилась надпись:

«Несанкционированный доступ. Соединение прерывается».

Несколько секунд Том сидел, лихорадочно пытаясь сообразить, что за чертовщину только что видел. Наверное, это реклама какого-нибудь детектива, это *должно быть* рекламой!

Тут дверь открылась вновь, и голос Келли произнес:

– Пятнадцать секунд – или я начну без тебя.

5

Это был лучший подарок на день рождения, полученный за всю ее жизнь – за все пятьдесят два года! Никогда прежде ничего подобного и близко не было, даже за сотни световых лет. Ни украшенный розовым бантом спортивный MG, подаренный Доном на сорокалетие (роскошь, каковую он в общем-то не мог себе позволить); ни серебряные часы от «Картье», полученные ею на пятидесятилетие (что, как ей было хорошо известно, тоже проделало изрядную брешь в его личном счете); ни прекрасный, тонкой работы браслет, врученный всего лишь накануне...

Ни даже неделя в санатории «Грейшотт-Холл», на которую скинулись ее сыновья Джулиус и Оливер; да, конечно, мальчики постарались на славу, но неужели они вообразили, будто у нее какие-то проблемы с весом?

Впрочем, что бы они там ни выдумали, при всех своих двенадцати стоунах² Хилари Дюпон буквально порхала по воздуху, точь-в-точь как сейчас, когда она с легкостью выскочила из парадного, позвякивая поводком Нерона и на разные лады задавая вслух один и тот же вопрос: «В сумке, мистер Уортинг? *В сумке?*»

Писхейвен, пригород, где жила Хилари, располагался в восточной части Брайтона и представлял собой обширное, плотно забитое бунгало и коттеджами, в основном построенными еще до Первой мировой войны, переплетение улиц, тянувшееся вдоль прибрежной автострады, проходившей по краю типичного для Южного Даунса величественного мелового утеса.

Широкая полоса фермерских угодий начиналась всего в нескольких сотнях ярдов от дома Хилари. Вздумай какой-нибудь любопытный сосед в то облачное июньское утро часов этак в десять случайно выглянуть в окошко, он бы увидел, как полная, но весьма привлекательная блондинка в старом халате поверх пятнистого трико и зеленых резиновых сапогах бодро скачет по дорожке, отчаянно жестикулируя и говоря сама с собой. Следом жирный черный лабрадор зигзагами петлял от одного фонарного столба к другому, у каждого неукоснительно задирая лапу.

² Стоун – старинная английская мера веса, равная 14 фунтам или 6,35 кг.

В конце улицы Хилари свернула налево, привычно придержала пса, пока мимо, рыча мотором, проезжал грузовичок службы доставки, и, перейдя дорогу, оказалась у ворот, за которыми открывалось поле, заросшее ярко-желтым рапсом. И пронзительным голосом, вполне способным без микрофона заглушить стадион Уэмбли, позвала Нерона, уже собравшегося было навалить кучу на чью-то подъездную дорожку:

– Нерон! Не смей! Ко мне!

Пес поднял голову, увидел открытые ворота и весело затрусил к хозяйке, а затем собачьим галопом рванул вверх по холму и через несколько секунд исчез в зарослях рапса.

Хилари закрыла за собой ворота и вновь повторила:

– В сумке, мистер Уортинг? *В сумке?*

Она сияла, как начищенный медный таз, и, конечно же, успела сообщить и Дону, и Сидонии, и Джулиусу, и Оливеру, и матери эту *невероятную*, просто *сногшибательную* новость: всего полчаса назад ей позвонил помощник главного режиссера Южного общества драматического искусства и уведомил, что миссис Хилари Дюпон назначена на роль леди Брэкнелл!³ Главную роль! Теперь она станет звездой!

Проведя двадцать пять лет на любительской сцене – главным образом в составе брайтонской Малой театральной труппы – и всегда надеясь, что ее заметят и оценят, Хилари наконец добилась настоящего прорыва! Южное общество драматического искусства имело полупрофессиональный статус и каждое лето давало спектакли на открытом воздухе у стен Льюисского замка, а затем отправлялось в турне по всей Англии – вплоть до самого Корнуолла! Оно знаменито, о нем пишут в газетах, и ее талант непременно должны отметить. *Непреренно!*

Разве что... Господи боже, нервы начинают пошаливать. Когда-то Хилари уже играла в этой пьесе, правда, одну из мелких ролей, но по-прежнему наизусть помнила каждую реплику.

Поднимаясь по холму вдоль края поля, она, размахивая руками, выкрикнула фразу, которую считала самой драматичной и смешной во всей пьесе:

– *В сумке*, мистер Уортинг? Вас нашли в *сумке*?

Прямо над головой пролетел реактивный лайнер, заходящий на посадку в Гатуик, и Хилари пришлось немного повысить голос, чтобы слышать себя.

– В сумке, мистер Уортинг? Вас *нашли* в сумке?

Она продолжала идти, вновь и вновь повторяя реплику из пьесы, каждый раз меняя интонации и стараясь вспомнить, кому еще можно позвонить и похвастать своей удачей. Всего полтора месяца до премьеры! Немного же! Господи, сколько всего предстоит выучить!

Тут Хилари охватили сомнения. А вдруг у нее не получится?

Что, если она застынет столбом или хлопнется в обморок перед такой большой аудиторией? Это будет окончательный и бесповоротный провал!

Да нет, у нее все будет о'кей: как-нибудь сдюжит. В конце концов, она родилась в театральной семье. Это у нее в крови: ее дед и бабушка с материнской стороны были артистами мюзик-холла, прежде чем вышли в отставку и купили пансион у моря в Брайтоне.

Поднявшись на гребень холма, Хилари увидела впереди следующий, вытянувшийся приблизительно на милю, а по обе стороны от него – фермерские поля, кое-где затененные купами деревьев. А вот Нерон куда-то подевался. Подул сильный ветер, пригибая к земле стебли рапса и длинные ости пшеницы.

– Нерон, мальчик мой! – крикнула она, приложив ладони рупором ко рту. – Ко мне!

Почти сразу же Хилари заметила широкую проплешину в зарослях, где мелькнул хвост Нерона, – похоже, что-то мешало псу двигаться по прямой. Затем он выбрался на ровное место и бросился к хозяйке, в пасти у него болталось что-то белое.

³ Леди Брэкнелл – персонаж пьесы О. Уайльда «Как важно быть серьезным».

Поначалу она подумала, что это кролик, и понадеялась, что бедняжка, по крайней мере, мертв. Хилари не вынесла бы, принеси пес к ее ногам, как он это любил делать, окровавленного, но еще живого зверька – визжащего и бьющегося в предсмертной агонии.

– Ну-ка, ну-ка, мальчик мой, что это у тебя? Фу! Фу!

И тут у нее отвисла челюсть. Не сводя глаз с находки Нерона, Хилари робко шагнула к ней, и ее затрясло от ужаса.

А потом она пронзительно завизжала.

6

Рой Грейс не любил проводить пресс-конференции, но, прекрасно отдавая себе отчет в том, что полицейские – это наемные слуги общества, считал, что само общество имеет право на информацию. И ненавидел, когда журналисты плели небылицы. Мало того, у него складывалось впечатление, что эти типы в первую очередь заинтересованы вовсе не в том, чтобы донести до граждан правдивые сведения, а продать как можно больше газет и привлечь внимание максимального количества телезрителей и радиослушателей. Они как сумасшедшие гонялись за свежими новостями, а потом стряпали из них самые дикие истории – чем сенсационнее, тем лучше.

А если под рукой нет ничего эдакого, то почему бы тогда не куснуть саму полицию? Мало что так будоражит публику, как пространные рассуждения о нерадивости полиции, где еще не перевелись расисты и грубияны. Впрочем, в последнее время особой популярностью у «акул пера» пользовались рискованные погони – тем более если британские граждане получали ранения, а то и гибли по неосторожности полицейских.

Как, например, вчера, когда во время преследования двух подозреваемых, удиравших от полиции на угнанной машине, оба беглеца рухнули с моста в реку и утонули⁴.

Собственно, именно поэтому Грейс сейчас и стоял в конференц-зале за почти пустым столом, напротив которого далеко не всем присутствующим хватило стульев. За спиной суперинтенданта красовалась большая роскошная грифельная доска с пятью резными полицейскими значками на синем фоне – под каждым из них был проставлен электронный адрес: www.crimestoppers.co.uk.

По его прикидкам, здесь толклось около сорока журналюг: газетчики, радио- и телерепортеры, фотографы, операторы и звукорежиссеры. В основном – знакомые все лица, за исключением нескольких новичков из местной прессы, в надежде на неожиданную удачу шакаливших на крупные издательские концерны. А еще – кучка ветеранов: старых, усталых и настолько утомленных всей этой возней, что им только бы свалить отсюда да рвануть в ближайший паб.

Рядом с Грейсом стояли замначальника уголовной полиции Элисон Воспер – женщина лет сорока пяти с привлекательным, хотя и слишком жестким лицом, что еще больше подчеркивал ежик светлых волос, – и его непосредственный шеф, старший детектив-суперинтендант Гэри Уэстон. Элисон присутствовала на конференции скорее ради показухи, чем по делу, ибо в данный момент замещала главу управления Джима Боуэна.

Уэстон, тридцатидевятилетний уроженец Манчестера, отличался спокойным, благодушным нравом и вдобавок обладал редкостным обаянием. С Грейсом они подружились еще в ту пору, когда вместе патрулировали улицы, и по сей день сохраняли теплые отношения. Несмотря на то что Уэстон был ровесником Грейса, он довольно рано начал интересоваться политикой, всячески старался приобрести влиятельных друзей, твердо намереваясь дослужиться до главного констебля. Рой, испытывавший к нему уважение, но никак не зависть,

⁴ См. роман Питера Джеймса «Убийственно просто».

охотно допускал, что со своими способностями и связями Гэри вполне может добиться назначения в Лондон.

Будучи ловким политиком, Гэри Уэстон скромно помалкивал, предоставив отдуваться Грейсу и с любопытством наблюдая, сможет ли детектив-суперинтендант завязнуть в дерьме еще глубже.

– Детектив-суперинтендант Грейс, – обратилась к Рою напористая молодая репортерша, незнакомая никому из присутствовавших полицейских. – Насколько я понимаю, в автомобильной аварии в Ньюхейвене пострадала женщина. А затем в аварии на брайтонской прибрежной автострате был ранен пожилой джентльмен, а несколько минут спустя сброшен с мотоцикла офицер полиции. Не могли бы вы объяснить, по какой причине позволили продолжать преследование?

– Авария в Ньюхейвене произошла еще до того, как полиция прибыла на место, – тщательно подбирая слова, начал Грейс. – Сразу же после нее преступники угнали «Лендровер», а затем в туннеле врезались в «Тойоту», управляемую упомянутым вами пожилым джентльменом, и отобрали у него машину. Мы знали, что по крайней мере один из преследуемых вооружен и опасен и что жизнь ни в чем не повинного гражданина зависит от того, сможем ли мы их задержать. С моей точки зрения, упустить этих двоих было бы весьма опасно для общества, поэтому я принял решение продолжать погоню.

– Даже несмотря на то, что это могло привести к их гибели? – не унималась репортерша. – Что в итоге и случилось!

Ее тон взбесил Грейса, и он с трудом подавил сильное желание отбрызнуть эту нахалку. Сказать, что погибшие были настоящими чудовищами и то, что они утонули в грязной реке, – заслуженное возмездие за всех, кого они обманули и погубили. А то, чего доброго, благодаря какому-нибудь не в меру милосердному либеральному судье могли отделаться несколькими годами тюремной отсидки! Однако с этим сборищем хищников следовало держать ухо востро, чтобы не дать им ни малейшего шанса превратить все это в очередную сенсацию.

– Причина их смерти будет установлена в обычном порядке в ходе дальнейшего расследования, – сказал он куда спокойнее, чем хотелось бы.

Его слова вызвали взрыв негодования, и отовсюду градом посыпались новые вопросы. Однако Грейс, взглянув на часы и с удовольствием убедившись, что минутная стрелка подошла к двенадцати, держался твердо.

– Простите, но на сегодня у нас время вышло, – решительно заявил он.

Вернувшись в свой маленький кабинет в Сассекс-Хаус, как именовалось главное управление уголовной полиции, располагавшееся в большом, недавно отремонтированном двухэтажном здании в стиле ар-деко, что было построено в 50-х для инфекционной клиники, Грейс уселся во вращающееся кресло. Поскольку чуть ли не всю мебель только недавно завезли и едва успели распаковать, он чувствовал себя здесь не в своей тарелке.

Рой немного поерзал в кресле, взявшись с рычажками, чтобы подстроить его под себя, но получилось не бог весть что. Куда больше Грейс любил свой старый кабинет в брайтонском управлении. Комната была не в пример больше, а мебель хоть и обшарпанной, но удобной. К тому же здание располагалось в центре города, и там вечно царили шум и деловая суэта. Новые же «апартаменты» находились на границе городской промзоны и казались ему бездушными. Чуть ли не мили бесконечных коридоров со свежеевыкрашенными стенами, застеленных толстыми ковровыми дорожками, десятки забитых новенькой мебелью кабинетов, гнетущая тишина... и ни намека на столовую! Разжиться стаканчиком кофе можно было, лишь заварив его самому либо купив в автомате. Негде раздобыть даже сэндвич: для этого надо тащиться через дорогу к гипермаркету ASDA. Сколько жертв во славу современного дизайна!

Полюбовавшись своей любимой коллекцией из трех десятков старинных зажигалок, разложенных на полке между столом и подоконником, Грейс с грустью подумал, что в последнее время он так занят, что не удастся урвать и пары часов для давнего хобби: бродить по барахолкам в поисках чего-нибудь интересного. Некогда это увлечение разделяла с Роем и его жена Сэнди.

На стене у него за спиной висели большие круглые деревянные часы, запечатленные в художественном фильме «Полицейская работа» и купленные Сэнди на аукционе к двадцатилетию Грейса в их счастливые времена.

Чуть ниже, под стеклянным колпаком, покоилось чучело коричневой форели весом в семь фунтов шесть унций: его Рой прикупил в лавке старьевщика на Портобелло-Роуд. Он поместил его под часами не случайно – это позволяло, поучая новичков, наглядно иллюстрировать старую поговорку: мол, без труда не выловишь и рыбку из пруда.

Остальную часть комнаты занимали телевизор, видеоплеер, круглый стол, четыре стула, растрепанные стопки бумаг, кожаная дорожная сумка с набором всего необходимого для осмотра места преступления и куча компьютерных дискет, доставшихся ему после повышения от предшественника.

На каждой – подробности нераскрытого убийства. Куда компактнее, чем коробок двадцать с пухлыми папками, а то и больше, которые в противном случае громоздились бы на полу, вываливались из шкафов или покрывались плесенью в сыром гараже того участка, на территории которого было совершено убийство. В папках были снимки с места преступления, отчеты экспертов, улики в пластиковых пакетиках, показания свидетелей, стенограммы с заседаний суда, рассортированные и аккуратно перевязанные цветными ленточками. В новые обязанности Грейса входило заново изучать нераскрытые убийства, совершенные на территории графства, связываться с полицейским участком, занимавшимся тем или иным расследованием. Возможно, за прошедшие годы произошли какие-либо изменения, в результате которых дело можно было бы открыть заново.

Содержимое большинства папок Рой знал наизусть благодаря почти фотографической памяти, помогавшей ему сдавать экзамены и в школе, и в полицейском колледже. Для него там были не просто отнятые человеческие жизни – и убийцы, до сих пор гуляющие на свободе! Каждое нераскрытое дело задевало Грейса за живое: ведь семья убитого не могла смириться с потерей и похоронить прошлое, ибо тайна так и осталась нераскрытой и правосудие не торжествовало. И он знал, что, копаясь в «висяках» тридцатилетней давности, он, возможно, дает этим людям последнюю надежду.

Правда, более-менее заметных успехов ему пока что удалось добиться только в деле Томми Литла – древнейшем «висяке» Грейса. Двадцать семь лет назад пасмурным февральским днем одиннадцатилетний Томми вышел из школы и отправился домой. С тех пор его никто не видел. Единственной зацепкой на тот момент был старый микроавтобус «Моррис», замеченный свидетелем, у которого хватило ума записать номер. Однако никакой связи между исчезновением мальчика и владельцем «Морриса», чокнутым холостяком, уже имевшим неприятности с полицией за приставание к малолетним, не было установлено. И вот теперь, всего два месяца назад, по чистому совпадению микроавтобус снова возник в поле зрения Грейса, когда его нынешний владелец, коллекционер автомобильной старины, был остановлен за вождение в нетрезвом виде.

Шансов на то, что через столько лет экспертиза раскопает что-нибудь путное, практически не было. Тем не менее теперь, владея современными научными методами, в том числе анализом ДНК, специалисты полицейской лаборатории не без основания утверждали, что если человек когда-либо побывал в том или ином помещении – не важно, насколько давно, – то довольно быстро можно обнаружить подтверждающие это улики. Всего одна клеточка кожи, не

попавшая в пылесос, волосок, ворсинка одежды... Возможно, нечто в сто раз меньшее булавочной головки, но след!

А у них был целый микроавтобус!

И подозреваемый был все еще жив.

Эксперты прочесали эту чертову машину чуть ли не с микроскопами, но пока что, как явствовало из прочитанного Грейсом отчета, не нашли ничего, что связывало бы «вышеупомянутое транспортное средство с пропавшим ребенком». Сотрудники отдела судебно-медицинской экспертизы нашли человеческий волос, но сравнительный анализ ДНК дал отрицательные результаты.

Тем не менее Грейс не сомневался, что, если он вооружится плоскогубцами и собственными руками разберет эту тачку до последнего винтика, что-нибудь обязательно отыщется.

Рой глотнул из бутылки минеральной воды и поморщился от ее вкуса, точнее, от полного отсутствия такового. Он пил эту преснятину, слегка отдававшую металлической стружкой, лишь в попытке избавиться от привычки выдувать по галлону кофе в день. Завинтив крышечку, детектив посмотрел на сгущавшиеся тяжелые плотные тучи, нависшие над серой плоской крышей магазина ASDA, закрывавшего большую часть обзора, и подумал о завтрашнем дне.

Наконец-то у него будет свидание – не такое, как в последний раз, «вслепую», с Озабоченной Крольчихой Клодин, подобранной интернет-агентством, а настоящее, с прекрасной женщиной. Рой возлагал на него большие надежды и в то же время нервничал: как одеться, куда ее повести, сможет ли он поддержать интересный разговор?

И тотчас же вспомнил о Сэнди. Что бы она подумала о нем, если бы сейчас узнала, что у него свидание с другой? Рой знал, что после девяти лет разлуки мучиться подобными угрызениями совести абсурдно, но так уж он был устроен. Недаром он то и дело ломал голову над одними и теми же вопросами: где она, что с ней случилось, жива ли?

Сжав в кулаке пластиковую бутылку с минеральной водой «Эвиан», Грейс сделал еще один долгий глоток и окинул взглядом казавшийся бесконечным столбец входящих сообщений на рабочем столе компьютера, затем покосился на пачку утренних газет. Как назло, сверху лежал местный «Аргус» с кричащим заголовком на первой полосе: «Полицейская погоня в Сассексе уносит две жизни».

Грейс сбросил газеты на пол и просмотрел последние сообщения, полученные по электронной почте. Он все еще никак не мог привыкнуть к новой поисковой системе «Грин-скрин», введенной управлением: с его точки зрения, старая – «Вэнтэдж» – была куда удобнее. Тем не менее ему удалось отыскать список происшествий за минувшую ночь (обычно Рой именно с этого и начинал рабочий день, но сегодня пришлось спешно собираться на пресс-конференцию).

На сей раз он не обнаружил ничего интересного: типичный набор всякой мелочовки, характерной для брайтонских будней. Ограбления, квартирные кражи, угон машин, несколько аварий (по счастью, без жертв) и вызов с фермы где-то неподалеку от Писхейвена с просьбой обследовать некий «подозрительный объект». Короче говоря, никаких серьезных правонарушений, ничего из ряда вон выходящего.

Вот и отлично. Поскольку Роя не было на работе почти всю прошлую неделю (за исключением нескольких часов, проведенных за подготовкой материалов к судебному процессу над одним местным злодеем), то теперь ему требовалось несколько свободных дней, чтобы разгрести бумажные завалы.

Он подсоединил свой карманный «Блэкберри» к настольному компьютеру и заглянул в дневник. Все еще пусто. Его секретарша Элинор Ходжсон – или «помощник руководителя», как теперь требовалось ее называть согласно новым правилам, введенным Комитетом по политкорректности, – стерла все его договоренности о предыдущих встречах, чтобы он

мог сосредоточиться на предстоящем процессе и деле Майкла Харрисона. Впрочем, Грейс не сомневался, что вскоре дневник заполнится до отказа.

Почти сразу же в дверь постучали, и на пороге возникла Элино́р. Чопорная и нервическая особа пятидесяти с небольшим, она, с точки зрения Грейса, являла собой хрестоматийную «дочь старой доброй Англии» из тех, кто собирается на чаепитиях у викария, хотя сам он не был ни на одном. После трех лет работы под его началом Элино́р по-прежнему оставалась безупречно вежливой и скованной, будто вечно боялась чем-нибудь расстроить шефа. Рой никак не мог понять – почему?!

Элино́р подошла к столу, держа пачку газет в вытянутой руке, словно боялась испачкаться.

– Э-э-э... Рой, – выдавила она, – я... э-э-э... это последние выпуски некоторых утренних газет. Я подумала: вдруг вам захочется их просмотреть?

– Что-нибудь новенькое?

– В основном то же самое. «Гардиан» цитирует Джулию Дрейк из Службы гражданского патрулирования.

– Я и не думал, что она будет с этим мешкать. Лицемерная корова, мать ее так!

Элино́р вздрогнула, поморщилась и нервно улыбнулась.

– По-моему, чуть ли не все жаждут вашей крови.

Грейс посмотрел на бутылку минералки, и ему вдруг нестерпимо захотелось кофе. А еще – сигарету. И опрокинуть стопочку «Гленфиддиша». Близилось время ланча, и хотя обычно Рой старался воздерживаться от выпивки до вечера, сейчас у него возникло явственное предчувствие, что сегодня это правило будет нарушено. Служба гражданского патрулирования! Прелестно! Сколько часов своей жизни он угробит на это дурацкое разбирательство в ближайшие несколько месяцев! Рой знал, что все это неизбежно и его непременно заставят доказывать, что он не верблюд, но получить столь скорое подтверждение тому оказалось на редкость противно.

Зазвонил телефон. Грейс снял трубку, не дожидаясь ухода Элино́р, и услышал бодрый манчестерский говор шефа.

– Отличная работа, Рой, – похвалил его Гэри Уэстон куда более начальственным тоном, чем обычно. – Ты хорошо держал себя в руках.

– Спасибо. Но теперь придется иметь дело с СГП.

– Разберемся. В три ты свободен?

– Да.

– Заходи ко мне – набросаем для них отчет.

Грейс поблагодарил его еще раз. Стоило ему положить трубку, как телефон зазвонил вновь. На сей раз звонили из диспетчерской – Бетти Маллет, на его памяти работавшая здесь всегда.

– Привет, Рой, как дела?

– Бывало и получше.

– У меня тут вызов из писхейвенского участка. Они просят прислать кого-нибудь из старших офицеров, чтобы не мешкая осмотреть место преступления. Ты сейчас свободен?

Грейс тихо застонал. Неужели нельзя было позвонить кому-нибудь другому?

– А что такое стряслось?

– Сегодня утром местная жительница выгуливала собаку на поле между Писхейвеном и деревней Пиддингоу. Собака ненадолго убежала, а вернулась с человеческой рукой в зубах. Туда выехала бригада экспертов с ищейками, и те обнаружили другие части тела, судя по всему – свежие.

Как и все детективы, Грейс держал «полевую» сумку в полной готовности: защитный костюм, бахилы, перчатки, фонарь и массу прочего снаряжения.

– О'кей, – вздохнул он, с ненавистью (глаза бы мои тебя не видели!) глядя на стоявшую на полу сумку. – Назови мне точное место, и я буду там через двадцать минут.

7

Когда Прогноз шел по улице, над ним смеялись. Он чувствовал это спинным мозгом, так же как некоторые ощущают холод или сырость, а потому избегал смотреть в глаза кому бы то ни было.

Прогноз представлял, как они все останавливаются, пьются на него, оборачиваются, тычут пальцем, перешептываются... но ему было плевать. Он давно привык. Так было все двадцать восемь лет, что Прогноз провел на этой планете, во всяком случае, сколько он помнил. Он ничуть не сомневался, что на прошлой планете все было по-другому, но *они* заблокировали ему память.

– В Вайкинге, Северном и Южном Атшире ветер юго-западный, четыре-пять футов в секунду, периодически усиливающийся до пяти-семи, – пробормотал он себе под нос, возмущенный тем, что его выдернули из конторы, лишив обеденного перерыва. – В Вайкинге сильный порывистый ветер до восьми, умеренные осадки. В Фортиз ожидаются вихревые смерчи пять-семь футов в секунду, на северо-западе от семи до девяти, возможны осадки от умеренных до сильных.

Прогноз говорил быстро, не особенно вникая в смысл собственных слов: все его мысли занимали алгоритмы для новой программы, которую он сейчас писал. Это сделает половину нынешней системы лишней, что многим не понравилось бы. Но тогда им не пришлось бы выкидывать деньги налогоплательщиков на фуфельное компьютерное «железо», не понимая даже, чего от него ждать.

Жизнь – это извилистая дорожка, на каждом повороте учишься чему-нибудь новому, а потому должен во все врубаться с ходу. Кью из «Звездного пути» живо это просек: «Если боишься, что тебе могут расквасить нос, лучше сиди дома под кроватью. Здесь небезопасно, зато хватает сокровищ, чтобы удовлетворить любые желания: от скромных до огромных. Но робким тут не место».

Так размышлял Неробкий Прогноз, чапая по брайтонской Уэст-стрит, – тощий и неуклюжий, с рыхлым мучнистым лицом, несуразной прической и вечно нахмуренными в яростной сосредоточенности бровями за старомодными очками с огромными линзами. Одет он был под стать своей внешности: бежевый анорак, белая нейлоновая рубашка, вязаная жилетка неопределенного цвета, серые фланелевые брюки и закрытые сандалии. На спине у него висел рюкзачок с ланчем и ноутбуком. Прогноз шел размашистым шагом, как-то странно, по-птичьи выкидывая ноги вперед, но с таким решительным видом, словно ему приходилось преодолевать напор юго-западного ветра с Ла-Манша. Несмотря на возраст, он вполне мог сойти за нахального подростка.

– В Кромарти, Фортиз, Тайне и Доггере ветер северо-западный от семи до девяти, осадки от слабых до умеренных.

Прогноз продолжал цитировать вслух региональную сводку погоды для Британских островов, прослушанную им в шесть утра по Гринвичу. Он заучивал их наизусть с десяти лет – по четыре раза на дню, семь дней в неделю, поскольку полагал, что это – наилучший способ добраться из пункта А в пункт Б. Если всю дорогу повторять это «заклинание», то тогда не почувствуешь жар обжигающих кожу чужих взглядов.

А еще Прогноз выяснил, что это лучший способ отбить у других детей охоту смеяться над ним в школе. Не говоря уже о том, что многих учеников «Майл-Оук» погода и в самом деле интересовала. А он всегда точно знал, где дождь, где ветер, где солнышко светит.

Информация.

Информация – своего рода валюта. Зачем деньги, если ты владеешь информацией? Все дело в том, что большинство людей знать ничего не знают. Пустышки. Прах. Как и почти все вокруг. Вот почему им никогда не стать *избранными*.

Этому Прогноза научили родители. Ему было особенно не за что благодарить предков, но, по крайней мере, *такое* наследство он получил. Еще бы: когда в тебя столько лет вколачивают одно и то же... *Ты – особенный. Избранный Господом. Избранный, чтобы спастись.*

Впрочем, кое в чем родители ошибались. На самом деле это был не совсем бог, но Прогноз давно оставил попытки донести до них истину. Это не стоило его усилий.

Спустившись к морю, он миновал игровые автоматы, затем повернул налево к Часовой башне на Уэст-стрит и, торопливо прошмыгнув мимо книжного магазина Уотерстоуна, китайского ресторанчика и аэроклуба, оказался у входа в роскошный «Гранд-отель», построенный еще в эпоху Регентства⁵. Преодолев вращающуюся дверь, Прогноз вошел в вестибюль и направился к стойке администратора.

Молодая женщина в темном костюме, с пристегнутым к лацкану золотым бейджиком, где было выгравировано лишь одно имя «Арлена», бросив на него удивленный взгляд, расцвела в дежурной улыбке.

– Чем я могу вам помочь?

Чтобы не смотреть ей в глаза, Прогноз уткнулся взглядом в деревянную стойку, сосредоточив внимание на пластиковом лотке с бланками заявок на выдачу кредитных карточек «Америкэн экспресс».

– Чем я могу вам помочь? – повторила Арлена.

– Мм... о'кей... – Прогноз еще пристальнее взгляделся в бланки, чувствуя, что, оказавшись здесь, прямо-таки закипает от раздражения. – Вы не подскажете, в каком номере остановился мистер Смит?

– Мистер Джонас Смит? – сверившись с компьютером, уточнила девушка.

– Мм... точно.

– Он вас ждет?

Да, мать твою, ждет, да еще как!

– Мм... да, ждет.

– Могу я узнать ваше имя, сэр? Я позвоню ему в номер.

– Джон Фрост.

– Одну минутку, мистер Фрост. – Девушка сняла трубку, набрала номер. – Вас спрашивает мистер Фрост. Могу я направить его к вам?.. Спасибо. – Положив трубку, она вновь посмотрела на Прогноза. – Седьмой этаж, номер семь-один-четыре.

По-прежнему не отводя взгляда от стойки, он закусил нижнюю губу, кивнул и промычал:

– Мм... о'кей, хорошо.

Поднявшись на седьмой этаж, Прогноз прошел по коридору и постучал в дверь.

Ему открыл албанец, чье настоящее имя было Мик Лювич, хотя Прогноз должен был звать его Миком Брауном. С его точки зрения, это была идиотская игра, в которой все они, включая и его самого, должны были участвовать под вымышленными именами.

Албанец был хорошо накачанным бугаем лет тридцати с хвостиком, с самоуверенным выражением на узком и жестком лице и смазанными гелем, торчащими, как иголки, короткими светлыми волосами. Он был одет в черную, с золотыми блестками майку, синие брюки и белые туфли, на шее посверкивала тяжелая золотая цепь. Его мощные, обнаженные до плеч руки сплошь покрывала татуировка. Он сосредоточенно жевал резинку маленькими острыми зубами, отчего Прогнозу сразу вспомнились пираньи, как-то виденные им в местном аквариуме.

⁵ Эпоха регентства будущего Георга IV при его отце Георге III (1811–1820).

– Мм, привет, – промычал он, уткнувшись взглядом в ковер «цвета нильской воды». – Я к мистеру Смит.

Албанец, некогда зарабатывавший на жизнь незаконными боями без правил, но теперь успевший приобрести некий налет цивилизации, несколько секунд молча смотрел на него, продолжая жевать резинку с открытым ртом, а затем впустил в номер и быстро закрыл за ним дверь. Из холла сквозь дверной проем виднелась большая, пропахшая сигарным дымом комната, обставленная скверной имитацией плюшевой мебели эпохи Регентства. Безразлично ткнув пальцем в ее сторону, албанец повернулся к Прогнозу спиной и, плюхнувшись в кресло, уткнулся в телевизор, по которому транслировали футбольный матч.

Прогноз встречался с албанцем уже не впервые, но еще ни разу не слышал его голоса. Иногда он прикидывал, уж не глухонемой ли этот тип, однако сильно в этом сомневался. Сделав несколько шагов, он оказался в большой комнате, посреди которой на диване восседал жирный-прежирный мистер Смит: повернувшись спиной к французскому окну с видом на море, он пялился в мониторы сразу четырех компьютеров и грыз ноготь с таким ожесточением, будто это была цыплячья ножка.

Смит был одет в распахнутую чуть ли не до пупа гавайскую рубашу, из-под которой жирными валиками выпирала бледная безволосая плоть. Туго обтянутые синими слаксами ноги по толщине могли соперничать с бревнами многолетних деревьев, зато крошечные босые ступни в бархатных шлепанцах от «Гуччи» с монограммой казались жеманно-кукольными. Голова, заросшая серебристо-седыми волосами, аккуратно стянутыми в хвостик, вообще же как будто принадлежала человеку раз в двадцать меньше. У него было столько подбородков, что, пока Смит не открывал свой миниатюрный ротик и мышцы вокруг не складывались в невыносимую для Прогноза гримасу, нельзя было определить, где кончается лицо и начинается шея.

– Ну что, Джон, перекусить не желаешь? – поинтересовался Джонас Смит с сильным луизианским акцентом (впрочем, лишенным и тени южного тепла), указывая толстым, как сарделька, пальцем с обкусанным чуть ли не до мяса ногтем в сторону тележки из гостиничного обслуживания, заставленной тарелками с сэндвичами и блюдами под алюминиевыми колпаками.

– Вообще-то у меня с собой сэндвич, – не отрывая взгляда от края ковра, пробормотал Прогноз.

– Гм! Может, выпить хочешь? Так заказывай и садись.

– Спасибо. Мм... О'кей. Хорошо. Мне не хочется... мм... выпить. Я... – Прогноз посмотрел на часы.

– Тогда, мать твою, садись.

Чуть помявшись, Прогноз, сдерживая злость, поплелся к ближайшему креслу.

Американец, по-видимому решив на время оставить свой многострадальный ноготь в покое, вперил маленькие свинячьи глазки в Прогноза, который, сняв рюкзачок, присел на край кресла и теперь шарил глазами по ковру, словно отыскивал там некий несуществующий узор.

– Кока-колы? Кока-колы хочешь?

– Мм, вообще-то да... мм... – Прогноз вновь посмотрел на часы. – Мне надо вернуться к двум.

– Ты, мать твою, вернешься, когда я тебя отпущу.

Есть Прогнозу хотелось чертовски. Он подумал о сэндвиче с тофу и фасолью в пластиковой коробке в рюкзаке. Вся беда была в том, что он терпеть не мог, когда на него смотрят во время еды. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза, что помогло остудить злость.

– В Фишере и Джерман-Вайте ветер юго-западный, четыре-пять футов в секунду, легкие осадки. – Вновь открыв глаза, он заметил на столике у дивана стеклянную пепельницу с наполовину выкуренной потухшей сигарой.

- Что это было? – вскинул брови мистер Смит. – Что это ты сейчас нес?
- Прогноз погоды. Вдруг вам пригодится?

Американец, чье настоящее имя было Карл Веннер, уставился на придурка, отлично сознавая, что тот отчасти гений, а отчасти – недоделанная схема, где не хватает пары микро-чипов. Дерзкий маленький засранец с кучей комплексов. Но он мог его контролировать, да что там – ему доводилось справляться с вещами и похлеще. Главное – помнить, что сейчас он полезен. А когда перестанет, скучать по нему не будет никто.

- Спасибо, что так быстро примчался, – холодно улыбнулся Веннер.
- Мм... я рад.
- Так вот, Джон, у нас проблема.
- О'кей, понял, – кивнул Прогноз.

В комнате повисла долгая пауза. Почувствовав спиной еще чье-то присутствие, Прогноз повернул голову: на пороге, привалясь к косяку и сложив руки на груди, стоял албанец. Рядом тотчас появились еще двое. Прогноз знал, что оба – русские, хотя их никогда друг другу не представляли.

Во время каждой встречи с Веннером они, казалось, вырастают из стен, но Прогноз так и не мог вообразить, каким образом они вписываются в общую картину. Тощие, неулыбчивые, узколицые, коротко стриженные, в броских черных костюмах – скорее всего, нечто вроде деловых партнеров. В присутствии этой парочки он всегда чувствовал себя неудобно.

– Ты говорил, что наш сайт защищен от хакеров, – пробурчал мистер Смит. – Тогда, может быть, ты объяснишь нам с мистером Брауном, как вышло, что вчера вечером нас взломали?

– У нас целых пять файрволлов! Взломать наш сайт не под силу никому. У нас установлен автоматический сигнал тревоги. В случае несанкционированного доступа он включится через две минуты и разорвет соединение.

– Тогда как же произошел этот несанкционированный доступ?

– Пока не знаю, но работаю над этим. Во всяком случае, работал! – сердито вскинулся Прогноз. – Пока вы мне не позвонили и не вытащили сюда. Может быть, программа глючит!

– Джон, я одиннадцать лет возглавлял компьютерную сеть, следившую за Европой для американской военной разведки. И я отлично секу, когда глючит программа и когда кто-то наследил. Здесь я ищу следы. Пойди сюда и посмотри. – Веннер показал на один из мониторов.

Обойдя диван, Прогноз остановился напротив монитора. По нему вдоль и поперек бежали группы цифр, осуществляя процесс дешифровки. Одна группа литер мигала. Изучив монитор, он внимательно ознакомился с тремя другими. Потом вновь вернулся к первому с его ровным миганием.

– Мм, этому может быть ряд причин.

– Может, – нетерпеливо согласился американец. – Но я их исключил. Что оставляет нам лишь одну возможность – кто-то без доступа заполучил диск одного из абонентов. По-этому мне от тебя нужно, чтобы ты раскопал мне имя и адрес абонента, потерявшего его, и того, кто его нашел.

– Я могу дать вам имя абонента – это можно установить по логину. А вот... мм... добраться до нашедшего его человека... мм... может оказаться не так-то просто.

– Если он смог найти нас, то и ты сможешь найти его. – Мистер Смит сложил руки на животе, и его губы расплылись в омерзительной ухмылке. – У тебя есть ресурсы. Так воспользуйся ими.

Рой Грейс в специальном белом костюме-балахоне и защитных бахилах стоял посреди раскисшего от дождя поля по пояс в зарослях рапса. Дул пронизывающий ветер.

Некоторое время он отрешенно наблюдал, как муравей деловито перебирается через лежащую ладонью вниз женскую руку. Затем опустился на колени и, отогнав мясную муху, понюхал плоть. Она ничем не пахла, а учитывая летнее влажное тепло, следовало предполагать, что их «находка» пробыла здесь менее двадцати четырех часов.

Давным-давно, когда только что переведенный в детективы Рой Грейс осматривал место преступления – двор церкви в центре Брайтона, где была изнасилована и задушена молодая женщина, – к нему пристала симпатичная рыженькая журналистка из «Аргуса», вертевшаяся возле полицейского кордона. Девицу интересовало, испытывает ли он во время расследования убийства какие-либо сильные чувства: скажем, гнев, негодование... или относится к этому просто как к повседневной работе – точно так же, как и любой другой служащий.

Несмотря на то что тогда Грейс жил в счастливом браке с Сэнди, он получал удовольствие от этого похожего на легкий флирт разговора и признаваться, что расследует убийство впервые, вовсе не хотел. А потому, стараясь показаться настоящим мачо, он ответил: да, это работа, обыкновенная работа, где сантиментам нет места.

Теперь Рой вспомнил тот случай.

Это была ложь, он бравировал.

Правда же заключалась в том, что Грейс знал: в тот день, когда, осматривая жертву очередного убийства, он не почувствует душевного трепета и отнесется к делу как к надоевшей рутине, он уволится из полиции и займется чем-нибудь другим. Но до этого дня было еще далеко. Может быть, когда-нибудь это с ним и произойдет, как в свое время с отцом и многими другими ветеранами полиции. Но сейчас Роя, стоило ему оказаться на месте убийства, вновь захлестнули гнев и жалость.

А еще страх перед тем, что предстоит увидеть, и бременем ответственности, лежавшим у него на плечах, как у руководителя следственной бригады: осознание того, что у этой покойницы, кем бы она ни была, где-то есть родители, возможно, братья или сестры, муж или любовник, а то и дети... Одному из ее близких предстоит опознавать тело, и всем им, еще не оправившимся от потрясения и душевной боли, придется подвергнуться тягостным допросам.

Пальцы руки были тонкими и изящными, с ухоженными ногтями. Ярко-розовый лак сильно контрастировал с алебастрово-бледной кожей, за исключением длинной полоски темной запекшейся крови в разрезе, проходившем от подушечки большого пальца до запястья. Не исключено, что жертва все-таки пыталась сопротивляться.

«Кто она? – подумал Грейс. – Каким была человеком? И что привело ее к такой страшной смерти?»

В расследовании убийства важнее всего первые двадцать четыре часа, после чего оно постепенно сбавляет темп. А посему Грейс знал, что на несколько ближайших дней ради него забросит остальные дела и постарается раскопать о жертве как можно больше подробностей: все, что только удастся извлечь из данных медицинской экспертизы, осмотра ее дома, показаний семьи и друзей. Скорее всего, кончится тем, что он получит о ней куда лучшее представление, чем любой знавший ее при жизни.

Следствие придется вести напористо, временами – чуть ли не жестоко. Смерть напрочь срывает с человека все покровы, лишая его достоинства похлеще, чем препарирование в анатомичке: там обнажается только плоть. Полицейский, копаясь в прошлом жертвы, выворачивает наизнанку всю ее жизнь. И всегда есть навязчивое ощущение, что душа покойного может – всего лишь может! – наблюдать за ним.

– Рой, нам кажется, что рука взялась вон оттуда, – сказал незаметно возникший рядом с Грейсом Билл Барли, местный детектив-инспектор из управления Восточного Даунса, указывая затынутым в латекс пальцем в дальний конец окруженного полицейским кордоном поля, где сотрудники отдела судебно-медицинской экспертизы уже ставили белую квадратную палатку. В раздуваемом ветром защитном костюме толстяк казался еще крупнее.

Грейс огляделся. На противоположном краю поля, где он оставил свой «Альфа Ромео», техники заметно прибавилось: пара патрульных машин, микроавтобусы проводника с собакой и полицейского фотографа, несколько машин без опознавательных знаков и, конечно же, возвышавшийся над всеми огромный трейлер отдела тяжких преступлений.

Черный микроавтобус коронера еще не появился. Прессе пока ничего не сообщали, но первые репортеры, несомненно, должны были вот-вот нагрянуть, точно рой навозных мух.

Барли был честным старым служакой лет пятидесяти, с отрывистым сассекским акцентом и румяным лицом, испещренным сеточкой лопнувших сосудов. Грейса приятно удивило, с какой скоростью он окружил рапсовое поле кордоном. Наихудший кошмар – приехать на место преступления, где неопытные новички уже втоптали большинство улики в землю. Похоже, детектив-инспектор полностью контролировал ситуацию.

Барли накрыл отсеченную руку куском плотной ткани и, поманив Грейса за собой, двинулся туда, где царило наибольшее оживление. Тот, стараясь ступать шаг в шаг, чтобы не натоптать лишнего, последовал за ним, каждые несколько секунд поглядывая на полицейскую овчарку, шнырявшую в зарослях рапса неподалеку от них. Едва они добрались до места, Грейс понял, в чем причина всеобщего возбуждения. Посреди небольшой проплешины в рядах посадок лежал большой куль, накрытый мятым куском черного пластика. Края его трепетали на ветру, а вокруг жужжали мясные мухи.

Грейс приветливо кивнул старому знакомцу, судмедэксперту Джо Тиндаллу. До недавних пор почти сорокалетний Тиндалл, с копной вечно спутанных волос и в очках с толстыми линзами, являл собой типичный образчик «сумасшедшего ученого», однако, влюбившись в девушку гораздо моложе, полностью преобразился. Теперь из-под защитного балахона виднелась наголо бритая голова и лицо, украшенное эспаньолкой и стильными прямоугольными очками с голубоватыми линзами. В таком виде Тиндалл больше походил на торговца наркотиками, чем на слугу закона.

– С добрым утречком, Рой! – со свойственным ему сарказмом приветствовал он Грейса. – Милости просим на наше новое действо «Тысяча и одна забота утром в среду в Писхейвене».

– Что, ходил за покупками? – усмехнулся Рой, кивая на черный пластик.

– Ты не поверишь, сколько интересного можно раздобыть, если повезет, – осклабился Тиндалл. Затем встал на колени и очень медленно приподнял покрывало.

Рой Грейс прослужил в полиции девятнадцать лет, причем пятнадцать из них занимался расследованиями тяжких преступлений, в основном убийств. Несмотря на то что вид любой жертвы каждый раз производил на него гнетущее впечатление, он лишь в редчайших случаях испытывал шок. Но то, что оказалось под куском черного пластика, лишило его дара речи.

Это был торс, явно принадлежавший молодой фигуристой женщине. Он был покрыт запекшейся кровью, лобковые волосы слиплись настолько, что было непонятно, какого они цвета. Чуть ли не каждый квадратный дюйм кожи был исколот каким-то острым инструментом – скорее всего, ножом, причем в припадке безумной ярости.

– Господи! – простонал Грейс.

Даже у Тиндалла, против обыкновения, не хватило духу отпустить шуточку.

– Тут поработал какой-то чокнутый ублюдок.

– Голову так и не нашли?

– Ищут.

– Патологоанатома вызвали?

Тиндалл отогнал пару мясных мух. Тут же налетело еще несколько, и Грейс сердито от них отмахнулся. Трупные, или мясные, мухи способны учуять разлагающуюся человеческую плоть аж за пять миль. Грейс их терпеть не мог. Однако порой и эти паразиты приносят пользу. Они откладывают яички, которые превращаются в личинок, те – в червей, а они, в свою очередь, – во взрослых мух. Этот процесс занимает всего несколько дней, поэтому при исследовании трупа, обнаруженного лишь через несколько недель, возможно более-менее точно прикинуть время смерти по числу поколений отложенных личинок.

– Джо, насколько я понимаю, кто-то все же вызвал патологоанатома?

Тиндалл кивнул.

– Билл.

– Надюшку?! – сразу оживился Грейс.

В управлении работали два патологоанатома, которых обычно посылали на место преступления в этой округе, поскольку они жили относительно недалеко. Больше всех любили Надюшку Де Санча, испанку со скульптурной фигуркой, происходившую из русского аристократического рода и вышедшую замуж за одного из ведущих британских пластических хирургов. Симпатию к Надюшке вызывало не только то, что она отлично справлялась с работой, от чего в значительной степени зависело раскрытие дела, но и ее на редкость привлекательная внешность. Почти в пятьдесят она легко могла сойти за сорокалетнюю, что служило предметом постоянных споров коллег: а не связана ли эта затянувшаяся молодость с мастерством ее супруга? Любопытство еще больше подпитывал тот факт, что Надюшка и зимой, и летом неизменно носила свитера с высоким воротом.

– К счастью для нее – нет. Она терпеть не может расчлененку. Приедет доктор Теобальд. И полицейский медэксперт уже выехал.

– Ага, – кивнул Грейс, стараясь не выдать голосом разочарования. Ни один патологоанатом не любит расчлененку, поскольку каждую колотую рану следует изучить досконально. На Надюшку Де Санча было не только приятно посмотреть, с ней было и приятно работать: склонность к легкому флирту, отличное чувство юмора и быстрые результаты в работе. В отличие от нее, общаться с доктором Фрейзером Теобальдом было столь же «весело», как с его «клиентами». Вдобавок он был невыносимо медлительным, однако его скрупулезный подход к работе приносил несомненную пользу и никогда не вызывал нареканий.

Неожиданно Грейс краем глаза уловил шевеление стеблей рапса и, повернув голову, увидел подходившего к ним Теобальда в белом защитном балахоне и с большой сумкой через плечо.

– Всем доброе утро, – сказал патологоанатом и обменялся «латексными» рукопожатиями со всей троицей.

Доктору Теобальду, плотного сложения мужчине чуть ниже пяти футов двух дюймов с темными глазами-бусинками, усиками а-ля Адольф Гитлер, носом, достойным самолета «Конкорд», и шапкой курчавых волос, было хорошо за пятьдесят. Для того чтобы отправиться на маскарад в виде вполне сносной копии Граучо Маркса⁶, ему не хватало лишь большой толстой сигары. Впрочем, Грейс сильно сомневался, чтобы такой серьезный педант, как Теобальд, мог хотя бы помыслить об участии в чем-либо столь фривольном, как маскарад. О личной жизни доктора было известно лишь то, что он женат на преподавательнице микробиологии, а его излюбленный вид отдыха – плавание на ялике в одиночку.

– Ну что ж, детектив-суперинтендант Грейс, – произнес он, пристально разглядывая человеческие останки под хлопающим на ветру покрывалом. – Вы можете ввести меня в курс дела?

⁶ Граучо Маркс (Джулиус Генри Маркс; 1890–1977) – участник очень популярного в первой половине прошлого века квартета комиков «Братья Маркс».

– Да, доктор Теобальд, – кивнул Грейс, в первые полчаса после встречи всегда старавшийся соблюдать формальности. – Пока что у нас есть расчлененный торс, предположительно молодой женщины, с множественными колотыми ранениями.

Он посмотрел на Барли, словно требуя подтверждения своих слов, и детектив-инспектор продолжил:

– Полиция Восточного Даунса была поднята по тревоге – сегодня утром нам позвонила выгуливавшая собаку женщина. Собака нашла человеческую руку, которую мы оставили на месте. – Детектив-инспектор указал, где именно. – Я окружил кордоном все окрестности и вызвал полицейских ищек. Поиск позволил обнаружить эти останки, к каковым никто не прикасался, разве что я позволил приподнять край покрывала.

– Голову не нашли?

– Еще нет.

Патологоанатом опустил на колени, поставил сумку на землю и, осторожно приподняв край пластика, несколько минут молча изучал страшную находку.

– Нужно как можно скорее снять отпечатки пальцев и сделать анализ ДНК, – сказал Грейс. – Может быть, удастся ее опознать. – Он окинул взглядом ряд домиков, тянувшийся вдоль края поля. Приблизительно в миле за ними виднелась серая поверхность Ла-Манша, едва различимая на фоне такого же серого неба. Повернувшись к Барли, он продолжил: – Кроме того, необходимо срочно начать опрос местных жителей, от дома к дому: не заметил ли кто за последние пару дней чего-либо подозрительного? Проверьте, не пропадал ли кто без вести? Если нет, расширить район поисков до Брайтона, а понадобится – то и Сассекса. Билл, здесь есть камеры видеонаблюдения?

– Только в некоторых местных магазинах и небольших фирмах.

– Распорядись, чтобы они сохранили все пленки за последние семь дней.

– Будет сделано.

Грейс кивнул.

– Никаких соображений по поводу того, как сюда могли попасть останки? Следы шин есть?

– У нас есть только цепочка следов, судя по всему, оставленных тяжелыми сапогами. Следы глубокие, – сказал Билл Барли, указывая на узкую полоску песка и рапса между двумя желтыми полицейскими лентами, растянутыми неподалеку.

Теобальд уже открыл свою сумку и теперь тщательно изучал окровавленную руку.

«Кто же она такая? – терзался догадками Грейс. – Почему ее убили? Как она сюда попала?» Он весь кипел от злости.

И не только!

А еще и от того, во что до сих пор отказывался верить: эта молодая женщина вполне могла повторить судьбу его жены. Девять лет назад Сэнди исчезла с лица земли, и поныне не удалось отыскать ни малейших ее следов. Ее запросто могли убить и где-то бросить. Убить и безжалостно расчленить. Если хочешь избавиться от трупа и быть уверенным, что он никогда и нипочем не будет найден, это легко – для этого существует масса способов.

И теперь это чувство всколыхнулось с новой силой. Кто-то не поленился по-мясницки разделать эту девушку и отрезать ей голову. Но если бы этот изверг действительно хотел, чтобы ее нельзя было опознать, он бы наверняка отрубил ей и руки. Так почему он этого не сделал?

Зачем он бросил труп посреди поля, где его наверняка быстро обнаружат, вместо того чтобы где-нибудь надежно закопать?

«А вдруг, – подумал Грейс, – кто-то как раз и хочет, чтобы ее нашли?»

Келли, в лиловом спортивном костюме, сидела на полу гостиной с клавиатурой на коленях, опираясь спиной о диван и то и дело таская из картонного тубуса чипсы с солью и приправами. Конечно, не самый полезный ланч для здоровья, усмехнулась она, но в них мало калорий, и это не повредит ее изящному силуэту.

Войдя в интернет, Келли посмотрела на экран телевизора, где красовался лиловый хрустальный браслет от «Сваровски», а затем дважды щелкнула клавишей, чтобы увеличить изображение. И с чувством вины подумала, как бы он подошел к ее нынешнему костюму. Немного великоват, а то и чуточку вульгарен. Но бижутерия от Сваровски для одежды обладала особым стилем, и Келли любила их продукцию. Первоначальная цена составляла 152 фунта, и самое щедрое предложение о надбавке к покупке пока не превышало десяти семидесяти пяти. И это при том, что до конца аукциона остается всего три часа сорок две минуты!

Это же сущий пустяк! Келли быстро подняла ставку до двенадцати фунтов. Невеликая дыра в их бюджете. Достанься ей браслет за такую цену, через несколько недель она могла бы выставить его на торги дороже и получить прибыль!

Келли смотрела на экран еще несколько минут, однако никаких новых предложений не обнаружила. Ну что ж, и так неплохо. Взяв бутылку смирновской водки (одно из ее тайных увлечений, тщательно скрываемых от Тома под бельем в комод в спальне) и открутив колпачок, она слегка отхлебнула. Это всего третья порция за утро, успокоила себя Келли, как-то упустив из виду, что это новая бутылка и она на треть пуста.

На улице шел проливной дождь. В комнату с поводком в зубах вошла Леди и, вздернув голову, заскулила.

– Хочешь прогуляться, дорогуша, да? Придется подождать, пока не кончится дождик. О'кей?

Собака заскулила еще громче.

Келли поставила бутылку и протянула к собаке руку. Леди завиляла хвостом, а потом неуклюже перевернулась на спину.

– Типичная женщина, да? – Хотя язык у Келли чуть заплетался, легкое опьянение разогнало ее полуденную тоску. – Просто хочешь, чтобы тебе почесали сосочки?

Она погладила собаке живот, обняв за шею, поцеловала в макушку и, вдыхая густой запах теплого меха, сказала:

– Я люблю тебя, Леди.

Услышав снаружи какой-то шум, Леди неожиданно вскочила и, зарывав, бросилась в холл. Тут же раздался громкий лай, а следом за ним – хлопок собачьей дверцы на кухне, означавший, что Леди выскочила в сад: несомненно, в погоне за какой-нибудь птицей, нагло посмевавшей сесть на лужайку.

Предложение Келли по eBay до сих пор оставалось без ответа.

Когда-нибудь она проведет этот аукцион в режиме онлайн как следует. Пару недель назад в «Дейли мейл» была статья, которую Келли вырезала и бережно хранила, где рассказывалось о людях, сколотивших состояние на торговле по eBay. Она пыталась рассказать о ней Тому, но, похоже, он просто был не в состоянии ее понять. А ведь его любимая женушка из всех сил пытается – правда, на свой лад – внести в семейный бюджет хотя бы пару лишних фунтов. Просто пока ей никак не везет. Ничего-ничего, она во всем разберется, и у нее получится.

Келли посмотрела на бутылку. Может быть, еще один глоток, совсем крохотный?

Она закрыла глаза, терзаясь в раздумьях. «Что, черт возьми, со мной такое? С моей жизнью? Дурная наследственность?»

Келли вспомнила о родителях. Обожаемый отец, несмотря на все свои мечты, в пятьдесят восемь прикован к постели болезнью Паркинсона. Она, как наяву, увидела детство, когда он то и дело затевал всевозможные «грандиозные» прожекты, которые неизменно проваливал. Бывший брайтонский таксист, он занялся прокатом лимузинов и обанкротился. Тогда он купил лицензию на торговлю целебными напитками, сулившую несметное богатство. Это стоило семье дома.

Мать поддерживала семью, долгие трудные часы вкалывая продавщицей парфюмерного отдела в магазине аэропорта Гатуик, но, чтобы ухаживать за отцом, даже оттуда пришлось уволиться. Теперь они жили в Уайтхоуке, самом бедном районе Брайтона, в крошечной муниципальной квартирке, постоянно трепеща от страха перед вандалами, взломщиками и грабителями. Два дня назад, приехав навестить родителей, Келли всего на час оставила свой старый «Эспейс» на улице. И что же? Когда она вернулась, колпаки с колес исчезли, как по волшебству.

Она подумала, как познакомилась с Томом на совершеннолетию своей подружки по брайтонскому колледжу, готовившему учителей, и поразились, насколько он походил на отца – того отца, какого хотела бы помнить: молодого симпатичного мужчину с мальчишеской улыбкой, невероятным обаянием, полного жажды жизни и энтузиазма. У Тома были не менее грандиозные планы преуспеть, однако, в отличие от ее отца, он все тщательно продумывал. Он хотел набраться опыта, поработав в самой успешной компании в своей области бизнеса, а потом открыть собственное дело.

И Келли верила в Тома. Ей казалось невозможным, что такой парень способен потерпеть фиаско. Он мгновенно по-нравился всем ее подругам, а родители его просто обожали. Келли влюбилась в него в тот же вечер, а спустя два дня они переспали в его квартирке на берегу Хоува, часами слушая компакт-диск Скотта Джоплина. С той поры они почти не расставались.

Первые несколько лет после свадьбы все шло просто великолепно. Том открыл свое дело, и все пошло успешно: сначала они переехали в квартиру побольше, а затем – в этот дом. Перемена к худшему случилась, когда после рождения Макса Келли ушла с работы учительницы начальных классов. Она затосковала, а потом надолго впала в апатию: врачи объясняли это послеродовой депрессией. Келли обнаружила, что весь день проводить дома с малышом – довольно непросто, когда Том рано утром уезжал в Лондон и возвращался домой только под вечер, обычно слишком усталый, чтобы хотя бы поговорить. Так будет не всегда, обещал он ей, но эти часы разлуки – их вклад в будущее.

Потом родилась Джессика, и период борьбы с одиночеством повторился. Только Том стал ишачить еще больше, а общаться с женой – еще меньше. Келли начала водить Макса в школу, обзавелась новыми подругами. Казалось, что у других женщин более удачливые мужья, одежда – моднее, машины – шикарнее, дома – роскошнее и они куда круче проводят отпуска.

И все эти ее шалости с eBay, столь непонятные Тому, только оттого, что она страстно хочет ему помочь. Ну ладно, *кое-какую* мелочовку Келли покупает себе, но в основном занимается этим только для того, чтобы позже продать то или иное приобретение по интернету к большей выгоде.

Однако пока что Келли не удалось сбыть ни одной вещи за цену даже близкую к той, которую заплатила она сама.

Для трат была и другая причина, скрываемая ею от Тома: интернет-аукцион позволял завуалировать пропажу из семейного бюджета сорока фунтов в неделю: именно во столько обходилось пристрастие Келли к водке.

Это было всего лишь временно, способ избавиться от стресса. Она твердила себе, что не алкоголичка, а просто переживает небольшой кризис, с которым надо как-то справляться. Словно стараясь убедить себя в этом, Келли взяла «Аргус» и открыла страницу с объявлениями о вакансиях. Это будет правильное решение – найти работу на полдня. По крайней мере, ей удастся сделать свой вклад в хозяйство. Кроме того, у нее появятся собственные деньги,

позволяющие время от времени купить водки: не то чтобы она была нужна Келли позарез, но изредка – приятно.

На кухне зазвонил оставленный там мобильный телефон.

Келли, чертыхнувшись, встала и нетвердой походкой направилась туда. Глянув на определитель номера, она увидела, что это ее лучшая подруга Линн Коттслоу.

– Привет, – чуть заплетающимся языком пробормотала она. – Как дела?

– Сiju в ресторане «Орсино». А тебя где носит?

– О черт! – воскликнула Келли. – Ради бога, извини!

– С тобой все в порядке?

«Черт, черт, черт, черт!» – завопила про себя Келли. Совершенно вылетело из головы, что сегодня в час они собирались встретиться за ланчем. Она посмотрела на часы. Четверть второго!

– Келли, с тобой все о'кей?

– О'кей? Со мной? Совершенно! – поспешно выдохнула та.

10

Мрачный Том Брайс, закатав рукава рубашки и распустив узел галстука, сидел в узкой комнате, представлявшей собой совмещенные лондонский офис и демонстрационный зал фирмы «Брайс-Райт промоушинал мерчандайз лимитед». Он подрагивал от холода и уж в который раз собирался надеть пиджак. Проклятая английская погода! Вчера стояла почти невыносимая жара, а сегодня нос мерзнет.

Расположение офиса в центре придавало ему соответствующий статус, а комната, несмотря на относительно скромные размеры, благодаря высоким окнам и украшенному затейливой лепниной потолку выглядела элегантно и привлекательно. Здесь хватило места, чтобы поставить пять столов для сотрудников, сделать приемную, служившую одновременно демонстрационным залом, и крошечную кухоньку за перегородкой в дальнем конце.

Название компании придумала Келли. Поначалу оно показалось ему несколько кичливым, но в ответ жена возразила, что легко запоминается. «Брайс-Райт» занималась поставками «деловых» подарков и одежды с символикой различных компаний и клубов. В ее каталог входило все, начиная с шариковых ручек, калькуляторов, ковриков для мыши и настольных игрушек для руководящего состава до футболок, бейсбольных шапочек и прочей спортивной одежды.

Окончив брайтонский бизнес-колледж, Том некоторое время поработал в одной из крупнейших компаний в выбранной для себя области – «Мотивэйшн бизнес», а затем, десять лет назад, не без помощи Келли рискнул пуститься в самостоятельное плавание и открыть собственный бизнес. Поначалу он вел дела из своего кабинета и двух свободных комнат, но уже вскоре после рождения Макса накопил достаточно, чтобы снять офис в этом престижном, пусть и тесноватом доме в двух шагах от Бонд-стрит, а также складское помещение неподалеку от Брик-Лейн в Восточном Лондоне.

Первые шесть лет фирма процветала. Том оказался прирожденным коммерсантом, умел понравиться клиентам, и все виделось в розовом цвете. А потом шарахнуло 11 сентября, и телефон на два дня словно умер. И дальше, казалось, уже никогда не звонил с прежней настойчивостью.

У него работало четыре коммивояжера: двое – в Лондоне, один – на севере Англии и еще один – в Шотландии. Кроме того, в офисе постоянно находилась его секретарша Оливия, а также клерк-администратор Мэгги, отвечавшая за связи с клиентами и поиск заказов. Еще четверо работали на складе: рабочий-упаковщик, контролер качества и двое принимавших

заказы диспетчеров. И вот тут возникала масса проблем – скорее всего, потому, что сам глава фирмы наведывался туда не особенно часто.

«Брайс-Райт» имела клиентскую базу высшего класса, в том числе и очень крупные фирмы. Том делал поставки «Витабиксу», «Рэйндж Роверу», «Лигал энд дженерал иншуранс», «Нестле», «Гранте оф Сент-Джеймсиз», не говоря уже о массе более мелких заказчиков.

Первые несколько лет Том получал от работы истинное наслаждение и даже какое-то время не осознавал перемен после 11 сентября, но постепенно, особенно с началом очередного экономического кризиса и растущей конкуренции, его оборот достиг точки, где он уже не зарабатывал достаточно денег, чтобы покрывать собственные расходы. Клиенты начали уходить к конкурентам, оставшиеся – снижать объем заказов, а несколько недавних срывов поставок привели к потере нескольких солидных фирм.

Поднос с входящей корреспонденцией у него на столе был завален счетами, некоторым из которых было больше шести недель. И в конце месяца Тому вновь придется подбивать сложный баланс между доходами и долгами, чтобы точно знать, что чеки на зарплату не вернутся из банка неоплаченными. И разумеется, как всегда, одной из статей расходов в этом уравнении послужит Келли.

Вместе с Максом и Джессикой она улыбалась с фотографии в маленькой серебряной рамке у него на столе: все трое весело смеялись, видимо, фотограф сказал что-то забавное. Это было отличное фото со слегка размытым изображением, придавшим им нечто неземное. Нежно глядя на жену, Том взмолился, чтобы она хотя бы на какое-то время воздержалась от неприятных сюрпризов.

Как он будет объясняться с Келли, если им придется продать дом и переехать в какое-нибудь местечко поскромнее? И куда? В квартиру? С каким лицом он объявит Макс и Джессике, что у них больше не будет сада?

Том посмотрел из окна второго этажа на струи дождя, стекающие по стеклам соседского дома напротив. Конduit-стрит была узкой, и высокие здания придавали ей вид каменного ущелья. Даже в солнечные дни в офисе постоянно царил полумрак.

Глянув вниз, он увидел поток людей, спешащих на ланч, море зонтов и вереницу машин, такси и грузовиков, ожидающих зеленого светофора на пересечении с Бонд-стрит. Особенно его внимание привлек новенький светло-коричневый «Бентли Континентал». Едва их начали выпускать, Тому немедленно захотелось такой же, но в то время от столь дорогого приобретения его отделяло не меньшее расстояние, чем ограду его сада от Марса.

Он с отвращением впился зубами в сэндвич с тунцом и сладкой кукурузой на ржаном хлебе: сочетание, от которого был отнюдь не в восторге. К тому же Том терпеть не мог грубые семена тмина, то и дело попадавшие в хлеб, но в то утро он наконец-то проснулся полный решимости перейти на более здоровую пищу, а в этой штуке, как предполагалось, низкое содержание жира и холестерина. Бедняга и сейчас предпочел бы свою обычную яичницу с беконом или чеддер с пикулями, но, когда Келли, лежа рядом с ним, ласково провела ладошкой по его животу и промурлыкала «мой пузанчик», это стало последней каплей.

Том глянул на первую страницу делового журнала «Промоушнз энд инсентивз» и прочел, что один из его конкурентов, чьи дела быстро шли в гору, готовится к выходу на фондовую биржу. «В чем их секрет? – удивился он. – Как, черт возьми, они ухитряются делать правильно то, что я делаю неверно?»

Том откусил еще один кусок сэндвича и посмотрел на своего компьютерного техника Криса Уэбба – высокого, немногословного сорокалетнего мужчину с небрежной прической и серьгой, – вызванного для устранения неполадок в компьютере: Крис обращался с Томом как с умственно отсталым ребенком. Вот и теперь с высокомерным видом копался отверткой во внутренностях его ноутбука. Каждые несколько секунд Том поглядывал на пустой монитор, почти не надеясь, что тот вернется к жизни.

И вдруг вспомнил об увиденном вчера вечером.

Он никак не мог выбросить из головы девушку, истыканную ножом, и от этого ему приснился такой кошмар, что он проснулся с криком в три часа ночи. Нет, это наверняка какой-то фильм или просто реклама.

Но почему-то все это выглядело чертовски реалистично.

– Старина, боюсь, вся твоя база данных накрылась напрочь! – жизнерадостно сообщил Крис Уэбб.

– Ну да, я тебе так и сказал, – кивнул Том. – Вот я и хочу, чтобы ты его перезагрузил.

Крис Уэбб вновь азартно полез в потроха машины, а Том, чувствуя себя без компьютера как без рук и не в силах сосредоточиться на журнале, уставился на стенд с образцами продукции своей компании. И вдруг подумал, что они выглядят какими-то... усталыми, залежавшимися и требуют замены.

Он внимательно оглядел витрину «Команды «Ягуар»: анорак, бейсболка, рубашка поло, шариковая ручка, брелок, водительские перчатки, галстук и бандана, – все с соответствующей символикой. И пришел к выводу, что все это давно пора заменить на более современные образцы дизайна из недавно выпущенной партии. Потом он повернулся к другой витрине: коврики для мыши, ручки, калькуляторы и зонтики с логотипом «Витабикс». Их тоже следовало обновить.

В комнату, увлеченно разговаривая по мобильному телефону, вошла Оливия, привлекательная девушка слегка за двадцать, вечно терзаемая «жуткими» любовными драмами. За ее пустующим столом сидел лучший коммивояжер компании Питер Чард в шикарном деловом костюме, с прилизанными волосами, очень похожий на актера Леонардо Ди Каприо, поглощенный автомобильным журналом и одновременно уплетающий лапшу из картонной коробочки. Рядом с ним сидел уроженец Гонконга Саймон Вонг, спокойный, амбициозный тридцатилетний малый, увлеченно заполнявший бланк заказа. «Хоть заказик и скромный, однако клиент – новый, – подумал Том. – И то хлеб».

Зазвонил телефон. Оливия, не отрывая от уха мобильник, сделала вид, будто ничего не слышит. Питер и Саймон, похоже, решили последовать ее примеру. Ушедшей на ланч Мэгги не было на месте.

– Кто-нибудь возьмет эту гребаную трубку?! – возмущенно рявкнул Том.

Оливия с виноватым видом засеменила к своему столу.

– Так, расскажи-ка еще раз поточнее, как это произошло, – обратился Крис Уэбб к Тому таким тоном, словно имел дело с полным кретином.

Оба коммивояжера с любопытством уставились на шефа.

– Сегодня утром я открыл ноутбук в поезде, и он не загрузился. Сдох, – пояснил тот.

– Грузится он отлично, – возразил компьютерщик. – Но в нем стерты все данные, понимаешь? Именно поэтому у тебя открылся пустой монитор.

– Я не понимаю, – чуть слышно, чтобы никто из сотрудников не уловил ни слова, пробормотал Том.

– Старина, да тут и понимать-то нечего, – пожал плечами Крис. – Вся база данных стерта начисто.

– Это невозможно, – замотал головой Том. – В том смысле, что я ничего такого не делал.

– Либо ты подцепил вирус, либо к тебе залез хакер.

– Я думал, «макинтоши» никакие вирусы не цепляют.

– Надеюсь, ты не делал того, о чем я тебя предупреждал? Умоляю, скажи, что нет! Не подключал компьютер к офисному серверу?

– Нет.

– Что ж, повезло – иначе ты бы стер всю вашу базу данных.

– Стало быть, это все-таки вирус.

– *Что-то* там у тебя точно завелось. С винчестером все в порядке. Я просто не могу поверить, что ты совершил такую глупость – вставил туда найденный в поезде компакт-диск! Господи!

Том украдкой огляделся. Казалось, его сотрудники утратили к разговору всякий интерес.

– Что значит – глупость? Это ведь компьютер, так? Вот что это такое. В нем стоят все антивирусные программы – ты сам их устанавливал. Он воспроизводит компакт-диски. Он должен быть в состоянии воспроизвести *любой* компакт.

Уэбб помахал у него перед носом злополучным диском.

– Я просмотрел его – конечно, не на машине, которой он может причинить вред. Здесь стоит какая-то шпионская программа, которая запросто прочитает твои данные и напихает в твою систему бог знает какой дряни. Ты нашел его в поезде?

– Вчера вечером.

– И получил по заслугам за то, что не отдал его в бюро находок.

Иногда Тому бывало трудно поверить, что он платит этому типу, чтобы тот *помогал* ему.

– Большое спасибо. Я просто пытался помочь: думал, что смогу найти адрес, по которому его можно послать.

– Ну что ж, в следующий раз, когда такое случится, пришли его мне, и я просмотрю его за тебя. Кстати, между прочим, ты не открывал каких-нибудь незнакомых файлов?

– Нет.

– Ты уверен?

– Я никогда так не поступаю – ты ведь сам предупреждал меня давным-давно. Только те, что приходят от знакомых.

– Порно?

– Анекдоты, порно, обычные вещи.

– Предлагаю тебе в следующий раз, когда полезешь в Сеть, надевать резинку.

– Очень смешно!

– Я не шучу. Ты подхватил очень противный вирус, он крайне агрессивен. Вздумай ты подключиться сегодня утром к серверу компании – стер бы все и у себя, и у своих коллег.

– Твою мать!

– Хорошо сказано, – кивнул Крис Уэбб. – Сам бы лучше не придумал.

– И как же мне теперь от него избавиться?

– Заплатив мне много денег.

– Замечательно!

– Или купи новый компьютер.

– Ты и впрямь знаешь, как утешить человека!

– Тебе были нужны факты? Я их изложил.

– Я не понимаю. Мне казалось, что «маки» не ловят вирусов.

– Обычно нет, но в Сети плавают куча всякого дерьма. Наверное, тебе просто не повезло. Но скорее всего, это с твоего компакта. Конечно, есть еще одна возможность. – Уэбб огляделся и, обнаружив свою чашку чаю, залпом допил ее.

– И что же это? – поинтересовался Том.

– Что над тобой кто-то очень жестоко подшутил. – Помолчав, Уэбб добавил: – А классный у тебя галстучек.

Том опустил голову: галстук как галстук, фирмы «Гермес»: серебристые лошадки на светло-лиловом фоне. Недавно купленный Келли по интернету на очередном «выгодном» телеаукционе. Ее понятие об экономии.

– Да он у меня с распродажи, – буркнул он.

Около пяти пополудни, после изнурительного трехчасового осмотра, расчлененные останки молодой женщины в палатке на исхлестанном дождем рапсовом поле были изучены настолько скрупулезно, что, по мнению патологоанатома управления, их можно было отправлять в морг.

Используя крайне простой, но эффективный метод, доктор Теобальд прошелся липкой лентой по каждому квадратному дюйму тела жертвы в надежде обнаружить хотя бы мельчайшие фрагменты эпидермиса убийцы. И это ему удалось: пинцетом он осторожно извлек из ее лобковых волос несколько застрявших там чешуек и аккуратно разложил по пластиковым пакетикам для улик. Напоследок Теобальд тщательно проверил, не упущено ли что-либо как на теле покойной, так и на земле вокруг нее.

Разумеется, Грейс предпочел бы, чтобы патологоанатом отправился прямиком в морг и этим же вечером сделал вскрытие, что было обычной практикой, однако Теобальд с сожалением сообщил, что у него уже назначена аналогичная операция в Хэмпшире из-за сомнительного несчастного случая на яхте.

В идеале все подобные вскрытия должны делаться непосредственно на месте преступления, поскольку, перевоза останки, можно упустить из виду какую-нибудь существенную улику, порой незаметную невооруженным глазом. Но грязную, продуваемую всеми ветрами, раскисшую от дождя почву никак не назовешь идеальными условиями. Впрочем, трупы крайне редко находят там, где их удобно вскрывать и проводить экспертизу. Некоторые патологоанатомы предпочитают проводить на месте преступления как можно меньше времени и спешат вернуться в относительно приятную по сравнению с ним рабочую обстановку морга. Однако доктор Фрейзер Теобальд не принадлежал к их числу и в случае необходимости мог провести возле жертвы хоть всю ночь, прежде чем сообщить, что он наконец удовлетворен и останки готовы к перевозке в морг.

Грейс посмотрел на часы. Отчасти мысли его занимало завтрашнее свидание, и он тайне надеялся освободиться до закрытия магазинов. Рой знал, что поступает неправильно, но сколько лет сестра и все остальные уговаривали его вернуться к жизни! Впервые после исчезновения Сэнди он встретил женщину, которая его по-настоящему заинтересовала. Однако Роя беспокоило, что его гардероб вышел из моды и несколько пообтрепался, а значит, без покупки новой летней одежды не обойтись. Тут он постарался на время забыть о свидании и сосредоточиться на работе.

Увы, голову молодой женщины найти так и не удалось. Рой Грейс позвонил в управление, и несколько прибывших по его вызову полицейских микроавтобусов, набитых констеблями (в том числе и прошедших специальную подготовку), уже вели тщательное прочесывание местности. Непрестанный дождь осложнял поиски, и прибывшему на помощь вертолету пришлось сильно снизиться и описывать более широкие круги. Казалось, лишь овчаркам, продолжавшим работать неподалеку, никакой дождь не помеха. К ужасу фермера, владельца поля, команда из шестидесяти констеблей во флуоресцентных жилетах даже более яркого оттенка, чем рапс, методично вытаптывала каждый квадратный фут его урожая.

Большую часть времени Грейс провел за телефонными переговорами, координируя поиски, организуя рабочее место для следственной бригады, которую он намеревался собрать в отделе особо тяжких преступлений, запрашивая кодовое название для новой операции из компьютера Сассекской полиции и собирая сведения обо всех молодых женщинах, пропавших без вести за последние несколько дней. Оказалось, что таковых предостаточно: одна – в радиусе пяти миль от Брайтона (наиболее вероятная жертва), три девушки – во всем Сассексе и еще шесть – на всем юго-востоке Англии.

Пока неразговорчивый доктор Теобальд не мог предложить ничего более существенного, кроме длинного русого волоса, после тщательных поисков извлеченного из крашенных лобковых волос жертвы, и предположения, что жертве двадцать с небольшим, но, возможно, и чуть за тридцать.

Такому описанию соответствовали четыре из пропавших женщин.

Грейс хорошо знал печальную статистику: ежегодно в Англии пропадает без вести двести тридцать тысяч человек. Более девяноста процентов из них считаются таковыми по истечении тридцати дней. Более тридцати процентов из этих двухсот тридцати тысяч исчезают бесследно. Как правило, полиция немедленно принимает меры, лишь когда речь идет о детях и пожилых людях. На все остальные сообщения такого рода она реагирует как минимум через двадцать четыре часа, а обычно – и того позже, в зависимости от обстоятельств.

Каждое расследование подобного дела глубоко затрагивало душу Грейса. Всякий раз, слыша эти страшные слова, он не мог не испытывать внутренней дрожи.

Сэнди считалась *пропавшей без вести*. Она исчезла с лица земли в свой тридцатый день рождения, чуть менее девяти лет назад, и с тех пор так и не объявилась.

Подтверждений тому, что большинство из этих семидесяти тысяч людей умерли, не существовало: человек может кануть в Лету по множеству причин. Как правило, из-за семейных неладов: то муж бросит жену, то, наоборот, дети сбегают от родителей, проблемы с психикой... Но *некоторые* – и Рой Грейс точно знал об этом – оказываются в этом списке по куда более жестоким причинам. Их либо убивают, либо, в более редких случаях, удерживают в заточении против воли. Такие злодеяния время от времени всплывают на свет как в Соединенном Королевстве, так и во всех других странах: людей держат в плену годами, а иногда – десятилетиями. Порой в приступах особо невыносимого отчаяния он представлял Сэнди прикованной цепями в подвале каким-нибудь маньяком.

Грейс все еще верил, что она жива и ни за что бы не ушла от него добровольно. За последние девять лет он обращался к такому количеству медиумов, что сбился со счета. Едва услышав о медиуме с хорошей репутацией, Рой мчался на встречу с ним. Какой бы ясновидящий ни выступал в Брайтоне, Грейс всегда сидел в зрительном зале.

И за все это время ни один из них не смог сказать, что вступал в контакт с его женой или получал от нее послание.

Грейс верил в медиумов даже больше, чем во врачей или ученых. Он обладал гибким умом и часто повторял про себя изречение Шерлока Холмса, одного из своих любимейших литературных персонажей: «Если отбросить все совершенно невозможное, то именно то, что останется – каким бы невероятным оно ни казалось, – и есть истина».

Размышления суперинтенданта прервал писк мобильного телефона. Он посмотрел на дисплей, но номер был заблокирован – скорее всего, звонил кто-то из коллег, обычное дело для полицейских.

– Рой Грейс.

– Приветствую тебя, о мудрый старец, – произнес знакомый голос.

– Отвали, я занят, – с улыбкой отозвался Грейс.

После трех часов попыток поддерживать разговор с невыносимо неразговорчивым доктором Фрейзером Теобальдом было приятно услышать кого-нибудь живого. С детективом-сержантом Гленном Брэнсоном Роя связывала близкая дружба. Вот уже несколько лет они время от времени работали вместе, и Гленн был первым, кого Грейс затребовал в свою следственную бригаду отдела особо тяжких преступлений для раскрытия этого убийства.

– Сам отвали, старый пень. Пока ты расслабляешься за вторым стаканчиком бренди, я тут за тебя рву задницу. Чтоб ты подавился!

Неприятный вкус сэндвича с сардинами и помидором – единственное, что Грейсу удалось проглотить за целый день, – казалось, все еще не выветрился у него изо рта.

– Вчера вечером посмотрел классный фильм! «Серпико» с Аль Пачино! Он там играет «подсадного», который выкуривает продажных легавых из управления полиции Нью-Йорка. Видел когда-нибудь? – Брэнсон был настоящим киноманом.

– Лет тридцать назад, еще в колыбельке.

– Его сняли в семьдесят третьем году.

– Долго же фильмы доходят до твоей местной киношки! Что, съел?

– Сейчас помру со смеху. Тебе стоит посмотреть его еще разок – словишь крутой кайф! Кто-кто, но Аль Пачино – точно настоящий мужик!

– Спасибо за ценную информацию, Гленн, – сказал Грейс, отходя от палатки подальше от любопытных ушей патологоанатома, полицейского фотографа Мартина Пайла и Дэнниса Пондса, старшего офицера полиции Сассекса по связям с общественностью, который только что приехал и теперь с нетерпением ожидал, когда суперинтендант снабдит его информацией для прессы. Опыт подсказывал Рою, что на первой стадии расследования тяжкого преступления лучше всего открывать как можно меньше. Чем меньше пресса разрезвонит о достижениях полиции, жертве и месте обнаружения трупа, тем легче будет отбиваться от телефонных звонков свидетелей и тратить кучу времени на то, чтобы определить, кто из них – мнимый, а кто на самом деле обладает ценными сведениями.

В то же время полиция не могла отрицать пользы хороших отношений со средствами массовой информации, хотя из-за Грейса за последние пару недель они сильно ухудшились. В сегодняшних новостях его полоскали в связи с гибелью двух подозреваемых, а на прошлой неделе высекли за то, что в поисках убийцы он обратился за помощью к медиуму и публично признался в этом на суде.

– Вообще-то я стою на холме под проливным дождем и слушаю твои бредни. Как именно это поможет нашему расследованию?

– Никак, но кто-то же должен заботиться о твоём просвещении. Ведь ты обычно смотришь такую чушь...

– Ничего подобного. Как насчет «Клуба отчаянных домохозяек»? По-моему, ничего.

– Только мне не рассказывай, сам с такой живу. Но у меня для тебя кое-что есть.

– Да? Неужели?

– Студентка юридического – клерк-стажер в адвокатской конторе. Как в воду канула. Мне только что сообщили.

– М-да, – с сарказмом протянул Грейс. – Какая потеря для общества!

– Знаешь, мужик, ты чокнутый.

– Нет, просто честный.

Как и большинство своих коллег, Рой Грейс не любил профессиональных юристов, особенно адвокатов по уголовным делам, для которых закон был всего лишь средством наживы. Полицейские каждый день рискуют жизнью, ловя преступников, а потом адвокаты отлично зарабатывают, находя лазейки в законе. Разумеется, Грейс прекрасно понимал, что любой незаконно арестованный человек имеет право на защиту. Как, впрочем, и то, что, в отличие от него, Гленн проработал в полиции не так уж долго, чтобы до тошноты насмотреться на мерзавцев, сумевших избежать наказания лишь благодаря хитроумным законникам-крючкотворам.

– Ладно, как бы то ни было, но сегодня она не вышла на работу. Одна из ее подружек заходила к ней домой. Ее там нет, и они чертовски обеспокоены.

– И что с того? Когда ее видели в последний раз?

– Вчера днем на работе. На сегодняшнее утро была назначена встреча с важным клиентом, а она так и не появилась. Даже не позвонила. Ее шеф говорит, что это не в ее привычках. Девушку зовут Джейни Стреттон.

– Гленн, у меня список еще из четырех имен. С чего ты вдруг так запал именно на нее? Что в ней такого особенного?

- Просто предчувствие.
- Джейни Стреттон?
- Да.
- Я внесу ее в список.
- Поставь на первое место.

Костюм Грейса промок насквозь, капли дождя стекали по лицу, и он отступил под прикрытие палатки.

– Но у нас по-прежнему нет головы, – продолжал он. – И сдается мне, что мы ее так и не найдем, причем по очень веской причине. Мы уже проверили ее отпечатки пальцев, результат – отрицательный. И отправили образцы для срочного анализа ДНК в хантингдонскую лабораторию, но на это уйдет пара дней.

– Я ее вычислил, – сказал Гленн Брэнсон. – Готов с тобой поспорить, и даже на деньги.

– Джейни Стреттон? – переспросил Грейс.

– Джейни Стреттон.

– Небось сейчас лежит в постельке со своим кобелем и за три штуки в час строчит прошение о помиловании для какого-нибудь бандюги.

– Нет, Рой, – упрямо повторил детектив-сержант. – Я уверен, что сегодня ты на нее уже вдоволь насмотрелся.

12

Том провел день в офисе нового крупного клиента, «Полстар водка», постепенно снижая расценки – и, разумеется, прибыль, – лишь бы не дать перехватить контракт конкурентам. Чувствуя себя еще более ущербным оттого, что при нем не было столь нужного ноутбука, он в мрачном настроении распрощался, получив заказ на пятьдесят тысяч бокалов для мартини с гравировкой и серебряные подносы с логотипом; обычно Том взвинчивал на них цены и получал кругленькую сумму. Теперь же он был до безумия доволен тем, что это хотя бы покрывает его расходы. По крайней мере, это была удача, которой можно было похвастать в банке, однако Том с болью в душе то и дело вспоминал старую поговорку: «Фортуна – капризна, а фунт – смысл жизни».

Если повезет, подумал он, то эта сделка со временем может потянуть за собой более выгодные.

Вернувшись в офис вскоре после пяти, Том с облегчением убедился, что его ноутбук на месте и в порядке, хотя на это ушло семь часов работы весьма ценившего свое время Криса Уэбба, так что фирме пришлось выложить изрядную сумму. Меж тем при ее нынешнем положении Том Брайс с трудом мог позволить себе такие расходы. Стол Питера Чарда пустовал, Саймон Вонг разговаривал по телефону, Мэгги – тоже. Оливия принесла Тому на подпись пачку писем.

Разобравшись с ними, он подошел к Крису Уэббу, которому каким-то чудом удалось восстановить базу данных, и тот убедил его, что «макинтошу» позарез необходимы очередной апгрейд (уже им проделанный) и новая антивирусная программа – естественно, за дополнительную плату. Тем не менее он по-прежнему никак не мог объяснить, откуда взялся вирус, стерший базу данных. Разве что с диска, найденного Томом в поезде, который Крис собирался прихватить с собой для дальнейшего анализа.

После его ухода Том провел полчаса, проверяя новые сообщения, поступившие по электронной почте. А затем из любопытства открыл «Интернет эксплорер» и вошел в раздел, где были указаны все сайты, на которые он заходил за последние двадцать четыре часа. Здесь оказались пара визитов в «Гугл», несколько – в «ask.co.uk» и один в «Рэйлтрек», когда ему накануне понадобилось расписание поездов. Был еще и один визит на сайт «Полстар водка», совер-

шенный вчера, когда он желал получше подготовиться к сегодняшней встрече. А затем он увидел еще одну, совершенно незнакомую ему иконку.

Это была длинная цепочка букв и слешей. Перед уходом Крис Уэбб настоятельно посоветовал ему не соваться на незнакомые сайты, но Том пользовался интернетом уже много лет и довольно хорошо в нем разбирался. Он знал, что можно подцепить вирус, открыв прикрепленный файл, но ни за что не поверил бы, что можно подхватить его с веб-сайта. Другое дело – «куки»⁷. Он знал, что многие не слишком порядочные фирмы используют этот подлый трюк, когда ты заходишь на их сайт. «Куки» засядет в твоей системе и будет сообщать им обо всем, что ты впоследствии просматриваешь в интернете. Таким образом они могут создать своего рода досье на индивидуальных клиентов в своей базе данных и понять, в каких товарах те заинтересованы. Но вирус? Невозможно.

Том подвел курсор к иконке и щелкнул мышкой.

Почти тотчас же на монитор выскочило сообщение:

«В доступе отказано. Несанкционированный логин».

– Том, тебе сегодня что-нибудь еще понадобится?

Он поднял голову. Возле стола нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Оливия с сумочкой под мышкой.

– Нет, спасибо, ничего.

Она расцвела в довольной улыбке.

– У меня жаркое свидание. Надо забежать в парикмахерскую.

– Желаю удачи!

– Он – директор по маркетингу сети крупных магазинов. Может быть, мы его чем-нибудь заинтересуем.

– Тогда вперед!

– Попробую.

Том вновь посмотрел на монитор и повторил попытку.

Через мгновение появилась надпись:

«В доступе отказано. Несанкционированный логин».

Позже тем же вечером после большей, чем обычно, порции martinis, ужина и почти целой – вместо обычной пары бокалов – бутылки невероятно вкусного австралийского шардоне «Маргарет-Ривер», Том поднялся в кабинет, открыл ноутбук, вошел в интернет и принялся за работу. Новые сообщения приходили каждые несколько минут.

В двух письмах подряд он обнаружил пусть скромные, но повторные заказы, что его порадовало. Следующее послание было от директора по маркетингу одного из их крупнейших клиентов, лично благодарившего Тома за превосходно выполненную работу, позволившую с успехом провести 50-летний юбилей фирмы.

На все возрастающем душевном подъеме Том просмотрел остальные письма, некоторые откладывая «на потом», другие – стирая, на третьи – отвечая. А затем на мониторе возникло новое сообщение. Оно гласило:

«Уважаемый мистер Брайс!

⁷ «Куки» (от *англ.* «cookie» (печенье) – маркер для создания комфортабельных условий работы с конкретным сайтом. Используется хакерами для сбора информации о запросах того или иного пользователя.

Вчера вечером вы посетили веб-сайт, к чему не были уполномочены. Сейчас же вы попытались проникнуть на него вновь. Мы не любим непрошенных гостей. Если вы сообщите полиции о том, что видели, или попытаетесь проникнуть на сайт еще раз, то же, что случилось с вашим компьютером, произойдет с вашей женой Келли, сыном Максом и дочерью Джессикой. Посмотрите внимательно, а потом хорошенько подумайте.

Ваши друзья из «Скараб продакин».

Том едва успел дочитать, как текст исчез с монитора. А за ним начали исчезать и все остальные письма – так, словно они растворялись в кислоте.

Через минуту, а возможно, и меньше, пока он беспомощно хлопал глазами, слишком потрясенный, чтобы выключить ноутбук, все содержимое его компьютера пропало.

Том пробежался пальцами по клавиатуре. Ничего. Только пустой черный экран.

13

Старший офицер полиции Сассекса по связям с общественностью Дэннис Пондс получил от коллег кличку Проточный Пруд⁸, скорее всего, не без оснований – слишком уж много служебной информации каким-то непостижимым образом становилось достоянием прессы, и в первую очередь подозрения падали на его отдел.

Бывший журналист, он больше походил на брокера из Сити, чем на газетчика. Слегка за сорок, с зачесанными назад черными волосами, на редкость косматыми бровями и неистребимой тягой к ярким костюмам, Пондс по мере возможностей пытался поддерживать хрупкое равновесие в отношениях между полицией и газетной братией.

Рой Грейс, поигрывая бутылочкой минералки, смотрел на него через стол с полным безразличием. Пондсу не доверяли многие полицейские, да и пресса всегда поглядывала на него с подозрением. Это была работа не из тех, где можно снискать лавры, а вот огрести шишек... Один полицейский пиарщик кончил в психиатрической клинике, другой, как хорошо помнил Грейс, день-деньской тянул виски из карманной фляжки.

Выложив на стол Грейса целую коллекцию утренних газет, Пондс теперь ерзал перед ним, нервно похрустывая суставами пальцев.

– Рой, по крайней мере, мы добились, чтобы это не попало на первую полосу, – извиняющимся тоном сказал он, приподнимая брови, смахивавшие на парочку вот-вот готовых взлететь ворон.

«Чушь, – подумал Грейс, – нам просто повезло, что сейчас все перемывают косточки принцу Чарльзу и его избраннице Камилле». Таковы уж нынешние времена: заметка об обезглавленном трупе заняла всего несколько строчек на внутренних полосах ряда газет, в большинстве же об этом не упоминалось и вовсе. Зато в лежавшей перед Грейсом «Дейли мейл» такой «лакомый кусочек», как репортаж «Полицейская погоня в Сассексе уносит две жизни», раскатали на целых полполосы, как, впрочем, чуть ли не в каждой национальной газете.

– Ты сделал все, что мог, – успокоил его Грейс, в отличие от многих коллег понимавший всю важность связей с общественностью.

– Ты тоже здорово провел пресс-конференцию, – похвалил его Проточный Пруд. – Лучшее, что у нас есть сегодня, – это история с расчлененкой. Я назначил пресс-конференцию на два. Ты согласен?

– Да я всей этой своре готов глотки перерезать! – буркнул Грейс.

– Ты не мог бы дать мне что-нибудь для них заранее?

Грейс задумчиво покрутил туда-сюда крышечку бутылки.

⁸ Понд – пруд (англ.).

– Отпечатки пальцев нигде не проходили. Ждем из лаборатории анализ ДНК, а тем временем проверяем список пропавших без вести.

– Будем говорить, что головы нет?

– Я не хочу, чтобы пока об этом кто-нибудь знал. Просто скажу им, что тело сильно обезображено и это затрудняет опознание.

– А мне-то казалось, что это я – спец вешать лапшу на уши.

– Ты оказался хорошим учителем, – улыбнулся Грейс.

Теперь брови Пондса походили на двух ворон в полете.

– Еще какие-нибудь зацепки есть?

– Брось, Дэннис. Сейчас ты говоришь как журналист.

– Я хочу кинуть им кость.

– Есть несколько возможных совпадений.

– Да, но я слышал, что, скорее всего, это девушка из Брайтона, какая-то стажерка юридического, разве не так?

– Где ты это услышал? – удивленно поинтересовался Грейс.

– Так, ходят слухи, – пожал плечами пиарщик.

– Что еще за слухи? Кто, черт возьми, тебе это выложил?

Пондс честными глазами уставился на детектива-супер-интенданта.

– Мне сегодня звонили уже три журналиста.

Грейс вспомнил вчерашний разговор с Гленном Брэнсоном по мобильнику, когда тот высказал предположение относительно личности покойной. Может быть, его кто-то прослушивает? Но это практически невозможно – новые телефоны снабжены скремблерами, шифрующими все переговоры. Со стуком поставив минералку на стол, Грейс сердито буркнул:

– Кто, мать их так, им разболтал? Дэннис, кем бы эта погибшая девушка ни оказалась, у нее есть семья. Может быть, муж или мать, может, отец, дети... и все они ее любили. Мы не можем позволить себе делать такие предположения вслух.

– Я знаю, Рой. Но и прессе мы лгать не можем.

Как обычно думая о Сэнди, Грейс сказал:

– Послушай, ты в состоянии уразуметь, что любой, у кого пропал без вести близкий человек, чья внешность хотя бы отдаленно напоминает убитую, не пропустит ни единой газеты или телепередачи, будет жадно ловить каждое слово, что скажут по радио? Мое дело – не внушать надежду, а ловить преступников.

Дэннис Пондс уже строчил в отрывном блокноте.

– Лучше не бывает! – возбужденно бросил он. – Отличная финальная фраза, просто бьет наповал! Я могу использовать это при подготовке пресс-релиза?

Несколько секунд Грейс молча смотрел на него. Типичный пиарщик – лишь бы «било наповал». Скорее всего, именно этого Пондс от него и добивался. Рой кивнул и посмотрел на часы, собираясь в оперативный отдел на планерку со своей бригадой. А затем надо на вскрытие, назначенное на десять.

Впрочем, существовала и еще одна причина, по которой ему так хотелось присутствовать на вскрытии. Это не имело никакого отношения к несчастной молодой женщине, чьи расчлененные останки теперь будет кромсать дальше еще и патологоанатом. Куда больше в морге его интересовала другая молодая женщина, с которой у него на сегодняшний вечер было назначено свидание.

Под горой бумаг у него на столе был припрятан «стильный» мужской журнал «FHM». Грейс надеялся выкроить сегодня утром хоть пару минут, чтобы пролистать его и присмотреть себе что-нибудь посовременнее. Гленн Брэнсон то и дело подшучивал над его одеждой, стрижкой, даже, черт побери, часами! Его верные старые «Сейко», подаренные Сэнди, сейчас

и самому Рою казались слишком маленькими, слишком *вчерашними*, подавали о нем тревожные сигналы. Возможно, они даже неправильно показывали время.

Какого черта нужно выглядеть *крутым*? Стоит ли стараться, когда тебе почти сороковник? Но тут Грейс подумал о Клио Мори, и у него в животе все задрожало от возбуждения. И он понял: да, постараться стоило, да еще как!

Ему показалось, что Дэннис Пондс никогда не заткнется, но Грейс стоически терпел, зная, что сейчас ему, как никогда, нужна поддержка пиарщика. Кроме того, Пондс разболтал довольно много любопытного о главном констебле, замначальника полиции Элисон Воспер, а потом намекнул, что главный суперинтендант Гэри Уэстон, непосредственный шеф Грейса, похоже, больше интересуется скачками и собачьими бегами, чем работой, и люди начинают это замечать и обсуждать.

Независимо от того, соответствовало ли это истине, то, что амбициозный шеф Грейса позволил подмокнуть своей репутации, было хуже некуда. По старой дружбе он был обязан как-то его предупредить, но как? А кроме того – в чем Рой не хотел себе сознаваться, – порой он сам слегка завидовал образу жизни Гэри Уэстона, его любящей семье, умению по-нравиться людям, легкому, почти без усилий, продвижению по службе... Он вспомнил кем-то сказанные слова: «Каждый раз, когда мой друг добивается успехов, во мне что-то умирает». Как ни печально, это соответствовало действительности.

Наконец Дэннис Пондс убрался восвояси. Едва за ним захлопнулась дверь, Грейс схватил журнал и принялся быстро его листать. Буквально через несколько минут мрачное настроение вернулось. На двадцати страницах – двадцать различных моделей мужской одежды! И которая же из них поможет ему на свидании выглядеть современным и... крутым? А какая выставит на посмешище?

Есть только один способ это выяснить, с грустью подумал он, заранее готовясь к тому, что его ждет серьезная «потеря лица».

14

Выйдя из кабинета, Грейс оказался на территории «помощников руководителя», которую Элинора делила еще с тремя коллегами. Работавшие здесь четыре женщины «прикрывали спину» всем старшим офицерам управления, кроме Гэри Уэстона, имевшего собственную личную помощницу.

Одной из причин неприязни Грейса к этому зданию было полное единообразие во всем. То ли потому, что в управлении совсем недавно сделали ремонт, то ли потому, что оно находилось практически за чертой города, здесь все выглядело каким-то вылизанным и стерильным. Ни выбоин, ни царапин на стенах, сделанных хулиганами, ни потертых ковров, ни покрытых застарелым слоем никотина потолков, какие увидишь в большинстве полицейских участков, ни треснувших стекол в окнах, разбитых стульев и обшарпанных столов – всего того, что приобретает за долгие годы верной службы и придает зданию характер и почти жилой вид, хотя, честно говоря, не всегда приятный.

На столе у Элиноры стояла изящная китайская вазочка с пышным букетиком фиалок, фото ее четверых детей (но, что любопытно, ни одного фото мужа), наполовину решенная головоломка «судоку», вырванная из газеты, и пластиковая коробка с ланчем. На спинке стула висел аккуратно сложенный кардиган.

При виде Грейса она подняла голову и, как всегда, нервно улыбнулась. После нескольких лет совместной работы она взяла в привычку автоматически делать несколько определенных вещей – в частности, «чистить» его деловой дневник, когда он руководил расследованием очередного тяжкого преступления.

Элинор вкратце доложила, что избавила его от присутствия на целых трех заседаниях: внутридисциплинарного комитета, Общебританской комиссии по нераскрытым делам и по поводу утверждения списка команды регби полиции Сассекса.

Затем ему на мобильный позвонила Эмили Гейлор из брайтонского судебного отдела, его куратор по процессу Суреша Хоссейна, уведомившая, что сегодня его присутствия в суде точно не потребуется. Хоссейн был местным домовладельцем, обвинявшимся в убийстве конкурента.

Подхватив кейс с тщательно спрятанным там журналом, Грейс прошествовал по застеленному зеленым ковром большому залу, где трудились рядовые сотрудники. Слева, за прозрачной стеной, располагался просторный кабинет главного детектива-суперинтенданта Гэри Уэстона. Было видно, как Гэри с деловым видом что-то диктует помощнице.

Дойдя до двери в конце коридора, Грейс поднес карточку-пропуск к серому глазу электронного замка «Интерфлекс» и, толкнув дверь, оказался в устланном серой ковровой дорожкой длинном тихом коридоре, где вкусно пахло свежей краской. Посреди большого, обитого красным фетром щита, озаглавленного «Операция «Лиссабон», красовалась фотография бородатого мужчины восточного типа в окружении нескольких сделанных с разных точек и помеченных красными кружками снимков расположенного у подножия высоких скал каменистого пляжа местного курорта Бичи-Хэд. На этом месте у основания утеса был обнаружен неопознанный мертвый мужчина. Поначалу его приняли за очередного самоубийцу, пока вскрытие не показало, что со скалы его столкнули уже мертвым.

Грейс миновал следственный отдел, где над раскрытием особо тяжких преступлений работали оперативники, а затем дверь слева с табличкой «Руководитель бригады» – его личный кабинет до раскрытия дела. Прямо напротив нее находилась еще одна, озаглавленная «Оперативный штаб № 1», куда он и вошел.

Оперативные штабы № 1 и №2 являлись собой нервные центры, куда стекалась вся информация обо всех достижениях и неудачах. Несмотря на то что матовые стекла окон располагались слишком высоко и сквозь них ничего не было видно, зал со свежeweкрашенными белыми стенами казался просторным и хорошо освещенным. Он, словно электростанция в миниатюре, излучал положительную энергию, и это была любимая комната Грейса во всем управлении. В других же здешних помещениях Рой начинал скучать по шумной атмосфере дежурок полицейского участка, где, можно сказать, и вырос.

Оперативный штаб был оформлен в футуристическом стиле – с тем же успехом здесь мог бы располагаться Центр управления полетами НАСА в Хьюстоне. L-образной формы комната делилась на три секции, в каждой из которых хватало места для длинного овального стола, где могли легко разместиться восемь человек, и массивные белые стенды с надписями «Операция «Баклан», «Операция «Лиссабон» и «Операция «Сугроб». Все стенды сплошь покрывали фотографии с места преступления и диаграммы, показывающие, как продвигается следствие. Теперь здесь появился еще один, поставленный лишь вчера днем: «Соловей». Название для операции было выбрано наугад компьютером управления полиции графства для расследования дела об обезглавленной девушке.

В отличие от остальных кабинетов полицейского управления, здесь ни на столах, ни на стенах не было ничего личного: ни семейных фотографий, ни постеров футбольных команд, ни объявлений о предстоящих спортивных матчах, ни карикатур. Решительно все предметы в зале, не считая мебели и оборудования, имели самое непосредственное отношение к текущему делу. Здесь даже не стоял привычный гомон шуточных перебранок – только тишина, свидетельствующая о полной сосредоточенности, негромкое жужжание телефонов и шелест листов бумаги, выползающих из деловито гудящих лазерных принтеров.

Каждой из бригад придавались как минимум офис-менеджер (обычно сержант или инспектор), системный оператор, следивший за работой оборудования, аналитик, координатор

и наборщик. Грейс знал большинство этих людей, но все они были слишком заняты, чтобы отрывать их от дела ради обмена приветствиями.

Когда он направился к своей бригаде, никто даже не поднял головы, кроме детектива-сержанта Гленна Брэнсона, чернокожего верзилы под два метра ростом, с лысой, как метеорит, головой, дружески махнувшего ему рукой. Как обычно, он был облачен в один из своих любимых кричащих костюмов – на сей раз это был коричневый в меловую полоску, делающий его похожим больше на процветающего наркоторговца, чем на полицейского. Наряд дополняли белая рубашка со стоячим воротничком и галстук, выглядевший так, будто его разрисовывал шимпанзе-дальтоник, накурившийся крэка.

– Привет, старичок! – окликнул он Грейса голосом достаточно громким, чтобы заставить всех присутствующих на мгновение вскинуться.

Рой Грейс с легкой улыбкой оглядел свою бригаду. Большую часть этой восьмерки он утащил за собой, едва успев раскрыть последнее дело. Это означало, что у людей практически не было времени передохнуть, но вместе они являли собой отличную команду, и Грейсу очень не хотелось ее дробить.

Самой старшей по званию была детектив-сержант Белла Мой с жизнерадостным личиком под шапкой выкрашенных хной волос, в данный момент сосредоточенно печатавшая на компьютере. Возле клавиатуры, как всегда, стояла открытая коробочка конфет – на сей раз «Мальтесерз». Каждые несколько секунд правая рука Беллы, словно некое существо, живущее отдельной жизнью, отрывалась от клавиш, чтобы достать шоколадку и отправить ее в рот. Эта стройная женщина ела больше всех, кого Грейс когда-либо знал.

Рядом с ней сидел детектив-констебль Ник Николл – длинный как жердь парень лет тридцати с короткой стрижкой, на редкость добросовестный детектив и стремительный футбольный нападающий. Грейс постоянно уговаривал его заняться регби, считая, что он отлично подойдет для полицейской команды, президентом которой его пригласили стать будущей осенью.

Напротив него, перелистывая толстую пачку компьютерных распечаток, располагалась детектив-сержант Эмма Джейн Бутвуд, присоединившаяся к бригаде лишь во время последнего расследования. Симпатичная молодая женщина с длинными светлыми волосами и прекрасной фигурой, которую Грейс поначалу счел не слишком ценным кадром, Эмма Джейн быстро показала себя полезным приобретением, и он чувствовал, что, если она останется в полиции, ее ждет прекрасное будущее.

– Послушай, – обратился к нему Брэнсон, – пожалуй, вчера я дал маху. У меня новое предчувствие. Как мне убедить тебя, что оно верно? Тереза Уоллингтон.

– Кто это? – спросил Грейс.

– Девушка из Писхейвена. Помолвлена. Прошлой ночью не вернулась с девичника перед помолвкой.

От слов Брэнсона у Грейса все похолодело в душе.

– Рассказывай.

– Я говорил с ее женихом. Самым что ни на есть настоящим.

– Ну не знаю, – нерешительно покачал головой Грейс.

Интуиция подсказывала ему, что делать какие-либо выводы слишком рано, но гасить энтузиазм Гленна Брэнсона очень не хотелось. Подойдя к стенду, он еще раз внимательно взгляделся в напечатанные в срочном порядке по его приказу фотографии места преступления: крупный план отрубленной руки, изуродованный торс под черным пластиковым покрытием...

– Поверь мне, Рой.

– Поверить? – переспросил Грейс, не отрывая глаз от снимков.

– Ну вот, опять ты за старое! – недовольно буркнул Брэнсон.

– За какое еще старое? – удивленно переспросил Грейс.

- То, что ты всегда со мной проделываешь, старичок. Отвечаешь вопросом на вопрос.
- Это потому, что мне всегда непонятно, что за чертовщину ты несешь!
- Ни фиги себе!
- Скольких пропавших без вести женщин из нашего списка ты еще не исключил?
- Со вчерашнего дня – ни одной. Их по-прежнему пятеро, все – из Брайтона. Конечно, если брать всю страну, будет куда больше.
- Из лаборатории никаких новостей по ДНК? – спросил Грейс.
- Сегодня к шести они надеются окончательно выяснить, есть ли жертва в их базе данных, – вмешалась детектив Бутвуд.

Грейс посмотрел на часы. До морга добираться пятнадцать минут. Он быстро прикинул в уме. Согласно предположениям Фрейзера Теобальда, высказанным вчера на рапсовом поле, женщина умерла менее двадцати четырех часов назад. В том, что кто-то на денек отправляется в «самоволку», нет ничего необычного. Но двухдневное отсутствие уже начинает вызывать легкое беспокойство среди друзей, родственников и коллег по работе. Стало быть, сегодня вполне реально оставить в списке лишь тех, кто с наибольшей вероятностью может оказаться жертвой.

- У нас есть гипсовые отливки следов? – спросил Грейс Ника Николла.
- В работе.
- Мне не нужно «в работе», – чуть напряженно сказал Грейс. – Сегодня утром на планерке я говорил, что хочу, чтобы двое офицеров со слепками с утра начали обход всех магазинов одежды в этом районе и проверили, нет ли совпадений. Не исключено, что для такого дела некто специально мог разжиться подходящей обувкой. В этом случае покупателя могла заснять камера видеонаблюдения. Вряд ли в том районе много магазинов, торгующих сапогами. И попрошу, чтобы отчет был у меня на столе к началу шестичасовой оперативки.

Сержант Николл тотчас же схватил телефонную трубку.

- Заметь, она уже второй день не дает о себе знать, – не отставал от шефа Брэнсон.
- Кто? – рассеянно спросил Грейс.
- Тереза Уоллингтон. Она живет с женихом. Так чего ради ей куда-то деваться?
- А другие четверо из списка?
- Никто из них сегодня тоже не объявлялся, – нехотя признал Гленн.

Несмотря на то что Брэнсону уже исполнилось тридцать один год, в полиции он прослужил всего шесть лет, поначалу выбрав не слишком соответствующую его натуре работу вышибалы в ночном клубе.

Он очень нравился Грейсу: был умен и старателен, а кроме того, у него часто возникали удивительные предчувствия. Подобные предчувствия очень важны в полицейской работе, но у них есть и обратная сторона – порой они приводят детектива к скоропалительным выводам, после чего он неосознанно начинает собирать улики, подстраивая их под свою версию. Так что время от времени Грейсу приходилось сдерживать энтузиазм Брэнсона ради его же собственного блага.

Однако в данный момент Брэнсон требовался Грейсу не только ради его предчувствий и отнюдь не в стенах оперативного штаба.

- Не желаешь прокатиться со мной в морг?

Брэнсон уставился на него, насмешливо приподняв брови.

- Черт возьми, старичок, так это там у тебя проходят все свидания?

Грейс усмехнулся. Брэнсон был куда ближе к истине, чем мог бы предположить.

Том Брайс сидел в офисе Рона Спэкса – длинной и узкой комнатке на первом этаже маленького административного здания в заводском районе рядом с аэропортом Хитроу – настолько «рядом», что заходящий на посадку лайнер, казалось, вот-вот влетит прямо в окно и приземлится на столе. Однако им повезло – завывая двигателями и выпустив закрылки и шасси, самолет, словно тень огромной акулы, промелькнул чуть ли не в нескольких дюймах над крышей.

Выглядел офис весьма жалко: оклеенные коричневой тканью «под замшу» стены, увешанные постерами в рамках с рекламой научно-фантастических фильмов и «хорроров», бронзовый стол мест на двадцать, словно похищенный из тибетского храма, и крайне неудобные стулья с высокой прямой спинкой, несомненно выбранные с таким расчетом, чтобы посетители долго не засиживались.

Бывший рок-промоутер Рон Спэкс, шестидесятилетний астматик, оставался одним из давних клиентов Тома. Голову его отнюдь не украшал парик-нашлепка, надетый набекрень, а зубы на морщинистой физиономии сияли слишком безупречной белизной, чтобы быть настоящими. Сидя напротив Тома, Спэкс, одетый в заношенную майку с изображением группы «Грейтфул Дэд», джинсы и сандалии, листал каталог «Брайс-Райт» и каждые несколько минут, наткнувшись на что-нибудь интересное, бормотал себе под нос «угу» и «ага».

Том прихлебывал кофе из крошечной чашечки и терпеливо ждал. «Грэвитрэйн дистрибутинг» была одним из крупнейших распространителей DVD в стране. Золотой медальон на шее, перстни на пальцах, черный «Феррари» на стоянке снаружи – все говорило о процветании Рона Спэкса.

Впрочем, он и сам уже несколько раз хвастал перед Томом, как начинал с лотка на Порт-обелло-Роуд, толкая подержанные DVD, когда еще мало кто знал, что это такое. На самом деле Том подозревал, что подобную империю вряд ли можно было построить лишь на торговле пиратской продукцией, но его финансовое положение не позволяло слишком строго судить о моральных принципах клиентов. В прошлом Спэкс всегда делал крупные заказы и платил без задержки.

– Угу... – задумчиво промычал он. – Видишь ли, Том, мои клиенты не желают шиковать. У тебя в этом году нет ничего новенького?

– Подставки для пивных кружек в виде компакт-дисков – кажется, страница сорок два. Мы вам можем нашлепать их целую кучу.

– Ага... – пробурчал Спэкс, найдя нужную страницу, причем уже далеко не столь уверенно. – Угу... И во сколько обойдется стотысячный тираж – только хорошо бы не больше фунта за штуку, а?

Без компьютера Том растерялся. Ноутбук остался в офисе, вновь вверенный заботам Криса Уэбба. В нем было все, в том числе и прайс-лист на все его услуги, а без него он даже боялся прикинуть, на какие скидки сможет пойти, особенно учитывая размеры заказа.

– Я вам все пришлю. Сегодня же, по электронной почте.

– Но не выше фунта, угу? – проворчал Спэкс, открывая банку кока-колы. – Сдается мне, семьдесят пенсов – куда ближе к делу.

В этот момент в кармане у Тома зазвонил мобильник. Глянув на определитель, он увидел, что это Келли, и нажал на кнопку режима ожидания.

Цена в семьдесят пенсов за диск была абсолютно невозможной, это он знал наверняка – они и так обошлись бы ему дороже, но он решил не говорить об этом Спэксу сейчас.

– С моей точки зрения, это несколько маловато, – тактично возразил он.

– Ага... вот что... Меня интересует кое-что еще. Речь идет о двадцати пяти золотых «Ролексах».

– Золотых «Ролексах»? Настоящих?

– Я до дрянных подделок не опускаюсь. Разумеется, настоящих. Мне нужно, чтобы на них был отштампован логотип, и срочно. К середине следующей недели. Можешь назвать цену?

Том постарался не выдать удивления, особенно после заявления Спэкса, что шиковать тот не намерен. А теперь вдруг заговорил о часах стоимостью в тысячи. Тут телефон зазвонил снова.

Это снова была Келли, что обеспокоило Тома: обычно она просто присылала эсэмэску. Может быть, кто-то из ребят заболел?

– Вы не против, если я отвечу? – обратился он к Спэксу. – Это моя жена.

– Та, которой надо повиноваться, следует отвечать. Модель «Ойстер» – это классический «Ролекс», так ведь?

Том, зная о классических «Ролексах» примерно столько же, сколько о разведении цыплят в Андах, кивнул.

– Да, несомненно. – Он поднес телефон к уху. – Привет, дорогая.

Голос Келли звучал странно и как-то растерянно.

– Том, прости за беспокойство, но только что был звонок, который... меня напугал.

Встав и отойдя от Спэкса, Том заговорил потише:

– Дорогая, что случилось? Расскажи мне.

– Я ходила в парикмахерскую сделать маникюр. А через пять минут после возвращения кто-то позвонил. Мужской голос спросил, не я ли миссис Брайс, и я... ответила «да». Тогда он уточнил – Келли Брайс? Я вновь ответила, что да. И он положил трубку.

Снаружи стоял промозглый дождливый день, от кондиционера в комнате было совсем зябко, и тем не менее неожиданно Тома бросило в жар, а сердце словно стиснули жесткие ледяные пальцы.

Вчерашняя угроза, мелькнувшая у него перед глазами за те ничтожные секунды перед тем, как память его компьютера снова стерли? Неужели этот звонок как-то связан с посланием, полученным по электронной почте?

«Если вы сообщите полиции о том, что видели, или попытаетесь проникнуть на сайт еще раз, то же, что случилось с вашим компьютером, произойдет с вашей женой Келли, сыном Максом и дочерью Джессикой».

И это при том, что он даже не пытался связаться с полицией или снова заходить на этот проклятый сайт!

Том постарался придумать другое объяснение:

– А ты не пыталась ему перезвонить? Один-четыре-семь-один?

– Да. Сказали, что номер не определился.

– Дорогая, где ты сейчас?

– Дома.

Том посмотрел на часы и увидел, что рука дрожит. Было всего лишь начало первого.

– Послушай, скорее всего, это просто какая-то чепуха, наверное, обычная ошибка. Я даже не знаю. Может быть, проверка службы доставки заказов по eBay или что-нибудь в этом роде? Тут может быть масса причин. – Он старался, чтобы его голос звучал спокойно и уверенно, но сам даже не пытался поверить в сказанное. Перед его мысленным взором стояла лишь *та самая* комната, где прекрасную длинноволосую молодую женщину кромсал ножом незнакомец в черном. – Я сейчас на деловой встрече. Перезвоню сразу, как только смогу.

– Я люблю тебя, – всхлинула Келли.

Быстро глянув на Спэкса, вновь уткнувшегося в каталог, Том сказал:

– А я – тебя. Освобожусь через пять минут, самое большее – через десять.

– Женщины! – сочувственно произнес Спэкс, когда Том дал отбой. А когда тот кивнул, фыркнул: – Всегда своего добьются.

– Это уж точно, – согласился Том.

– Да, так вот: насчет этих «Ролексов». Мне нужны расценки на двадцать пять мужских золотых часов «Ролекс» с маленькой гравировкой. Срок исполнения – конец следующей недели.

В этот момент Том настолько волновался за Келли, что подумать о потенциальной стоимости заказа ему даже не пришло в голову.

– Гравировка? Какого типа?

– Микроточка. Совсем крошечная.

– Не беспокойтесь, я все выясню и тут же вам сообщу. И предоставлю максимальную скидку.

– Да уж будь любезен!

16

Стиль вождения Гленна Брэнсона всегда приводил Грейса в замешательство, но после того, как тот окончил курсы экстремального вождения для полицейских, как того требовали условия перевода в уголовную полицию, стал просто пугать до ужаса. Хуже того, коллега всегда настраивал магнитола на какую-нибудь радиостанцию, передающую рэп, и врубал ее с такой громкостью, что Грейсу казалось: не иначе как его голову засунули в кофемолку.

Пройденные курсы позволяли выпускникам участвовать в погонях на высоких скоростях, а потому, дабы блеснуть мастерством, Брэнсон выбрал единственную автостраду, где можно было без особого труда разогнаться по-настоящему. Это был прямой, как хребтина, отрезок двухполосного шоссе в полторы мили, тянувшийся на открытой сельской местности Даунленда от промзоны, где располагалось управление полиции, до центра Брайтона.

Он смахивал на трек для автогонок. Грейс видел дорогу на милю вперед: два плавных поворота, прямой участок, затем – крутой правый поворот, а еще через полмили – крутой левый поворот, где всего неделю назад произошла очередная авария со смертельным исходом. Рой посмотрел на мчавшийся им навстречу грузовик и покосился на Брэнсона в робкой надежде, что коллега понимает: скорее всего, они окажутся у головоломного правого поворота одновременно с этой машиной. Однако тот полностью сосредоточился на извилистом левом повороте, к которому они неумолимо приближались.

Стрелка спидометра показывала запрещенные девяносто пять миль в час и продолжала ползти вверх. Капельки дождя расплющивались о ветровое стекло.

– Секи, старичок! – проорал Брэнсон, перекрывая дикие вопли Джея-Зи⁹. – Когда прижимаешься к разделительной, весь поворот – как на ладони, и можно срезать по прямой! Совсем как в «Формуле-один»!

Когда Брэнсон «срезал по прямой», Грейс лишь присвистнул сквозь зубы. Машина опасно раскачивалась. Его рубашка начала липнуть к телу.

Грузовик приближался.

Грейс проверил ремень безопасности и глянул на спидометр. Теперь полицейская «Вектра» без опознавательных знаков делала сто десять миль в час. До поворота, резко нырившего вправо почти под прямым углом, оставалось всего несколько сотен ярдов. Грейс хотел поинтересоваться у Гленна, не собирается ли тот слегка притормозить, но побоялся, что сейчас любой разговор лишь отвлечет лихого водителя. На пологом холмике слева от дороги Грейс заметил двоих мужчин с тележками для гольфа.

⁹ Jay Z (Шон Кори Картер; р. 1969) – известный рэп-исполнитель.

Перед глазами встала жуткая картина: что, если свои последние мгновения на земле он проведет в виде отбивной котлеты в кузове полицейского аварийного «Воксхолла», провонявшего гамбургерами, табаком и застарелым потом, после того как его вытащат сквозь разбитое ветровое стекло два старых пердуна в костюмчиках для гольфа под матерные вопли какого-то наглого рэпера, о котором он и слухом не слыхивал.

– Так вот, насчет моего предчувствия, – сказал Брэнсон, «срезая по прямой» и в то же время задумчиво разглядывая передний бампер грузовика всего в сотне ярдов впереди.

Грейс обеими руками вцепился в обивку сиденья.

Нарушая все законы физики, «Вектра» каким-то чудом вписывалась в поворот, продолжавший уходить вправо. Теперь впереди оставалось всего одно опасное место, после чего они должны были оказаться в зоне с ограничением скорости до сорока миль в час, когда можно будет вздохнуть спокойно.

– Я весь превратился в слух. В большие уши.

– Я слышу, как колотится твое сердце, – ухмыльнулся Брэнсон.

– Мне еще повезло, что оно вообще бьется. – Грейс приглушил магнитола, и Брэнсон машинально сбросил скорость.

– Тереза Уоллингтон живет с женихом. Они планировали отметить помолвку в ресторане «Аль-Дуомо» во вторник вечером – в будни, поскольку он работает по скользящему графику. Пригласили родственников и друзей со всей страны.

Грейс промолчал, чувствуя, что, хотя теперь они и находятся в «спокойных водах» сорокамильной зоны, опасность еще не миновала. Пока Брэнсон излагал свою версию, одновременно вертя ручку настройки магнитолы, «Вектра» продолжала лететь стрелой прямо навстречу приближающемуся автобусу. Грейс в панике уже собрался было схватиться за руль, но Брэнсон, казалось бы только что заметивший автобус, неторопливо свернул на левую полосу.

– И тут вдруг она не появляется, – продолжил он. – Ни телефонных звонков, ни записки.

– И что же? Думаешь, ее пришил жених?

– Я его вызвал на сегодня. Мне кажется, если его как следует помариновать в боксе, что-нибудь да выяснится.

«Боксом» в управлении называли небольшую комнату для допросов, которая просматривалась из соседней с помощью видеокамеры и служила главным образом для снятия показаний с так называемых «податливых» свидетелей. Снимая их на пленку, детективы могли спокойно изучать их мимику и жесты, что позволяло составить общее представление о личности подозреваемого. Именно там Грейс предпочитал проводить первый допрос человека, который мог оказаться наиболее вероятным преступником, причем вовсе не обязательно мужа или любовника жертвы.

Человеку куда проще расслабиться и сболтнуть что-то лишнее, сидя в удобном красном кресле, нежели на жестком стуле с прямой спинкой в обшарпанном полицейском участке. В некоторых случаях пленку следует как можно быстрее передать для анализа психологу: на экране «язык тела» гораздо красноречивее.

– Стало быть, от юристки-стажерки ты отказался? – насмешливо прищурился Грейс. – А я-то думал, ты на нее запал всерьез.

– Я поговорил с ее лучшей подругой. По ее словам, такое случалось и раньше – она без всяких объяснений исчезала на пару дней. С той единственной разницей, что никогда не прогуливала работу.

– То есть барышня со странностями?

– Похоже на то, – кивнул Брэнсон, вновь начиная крутить ручку настройки.

Интересно, подумал Грейс, заметил ли тот, что идущие впереди машины сбавляют скорость перед красным светофором – учитывая, что их «Вектра» довольно быстро приближается к заднему бамперу мусоровоза? На сей раз он решил кое-что предпринять.

– ГЛЕНН!!!

Брэнсон послушно вдавил в пол педаль тормоза, и сзади тотчас же послышался пронзительный визг шин. Обернувшись, Грейс увидел, что в нескольких дюймах от них едва ползет маленькая красная машинка.

– Чем ты занимался на этих чертовых курсах? – ядовито осведомился он. – Или уже забыл? Или там выдают инструкции, написанные по Брайлю?

– Отвали, – хмыкнул Брэнсон. – Знаешь что, ты не пассажир, а какой-то зануда. Тебя надо сажать на заднее сиденье.

Грейсу подумалось, что на заднем сиденье он и впрямь чувствовал бы себя куда спокойнее.

Брэнсон вновь завел заглухший мотор.

– Помнишь начало «Ограбления по-итальянски», где он въезжает на своем «Феррари» в туннель и – бум?!

– В римейке?

– Нет, дурила, это все чушь. В оригинале. С Майклом Кейном.

– Я помню автобус в конце фильма. Висит на краю обрыва. То, как ты водишь, мне сразу это напомнило.

– Ну конечно! Сам-то ты водишь как старуха.

Грейс достал из кейса журнал «FHM».

– Ты не мог бы на секунду притормозить? Мне нужен твой совет.

Дождавшись зеленого сигнала, Брэнсон проехал еще не-много и притормозил у автобусной остановки. Грейс молча протянул ему журнал.

Пролистав несколько страниц, Брэнсон окинул его странным взглядом:

– Ты, никак, решил податься в голубые? Или что?

– У меня свидание.

– С кем-нибудь из них?

– Очень умно. Сегодня у меня свидание, причем серьезное. Ты же у нас гуру Сассекской полиции по части моды. Ну так вот, мне нужен твой совет.

Некоторое время Брэнсон рассматривал фотографии манекенщиков.

– Я уже говорил: тебе надо что-то сделать с прической.

– Тебе легко говорить – у тебя вообще нет волос.

– Я брею голову, чтобы смотреться круто.

– Какой из меня крутой?

– Я уже рассказывал тебе, что знаю классного стилиста. Ян Хэббин в «Точке». Тебе надо чего-нибудь посвежее: например, на висках – покороче, а на макушке – подлиннее. И смазать гелем.

– К восьми вечера я все равно ничего отрастить не успею. Зато у меня хватит времени что-нибудь прикупить.

Неожиданно Брэнсон тепло улыбнулся другу.

– Стало быть, у тебя это серьезно! Самая настоящая свиданка? Чертовски рад за тебя. – Он стиснул Рою плечо. – Слава богу, ты снова решил начать жить. И кто она? Я ее знаю?

– Может быть. – Реакция друга глубоко тронула Грейса.

– Кончай темнить. Так кто она? Случайно, не эта ваша Эмма Джейн? Годится!

– Нет, не она – слишком молода для меня.

– Тогда кто? Белла?

– Просто посоветуй, что надеть.

– Уж, во всяком случае, не эти отрепья, что на тебе сейчас.
– Да ладно! Ну так?..
– Куда ты ее ведешь?
– В «Латино» на Лейн. Итальянская кухня.
– Да это же любимая забегаловка моей старушки. Эри обожает «морской коктейль на гриле». – Брэнсон широко улыбнулся. – Ты там на нее здорово потратишься!

Грейс пожал плечами:

– А куда, по-твоему, мне ее вести? В «Макдоналдс»?

Пропустив шпильку мимо ушей, Брэнсон сказал:

– Обрати внимание на то, как она будет есть.

– С какой стати?

– По тому, как женщина ест, сразу ясно, какова она в постели.

– Что ж, посмотрю.

Брэнсон замолчал, медленно листая журнал.

– Для человека твоего возраста я бы не стал слишком молодиться.

– Спасибо.

Брэнсон указал на парня, одетого в свободный бежевый пиджак с белой футболкой, джинсы и коричневые туфли.

– Вот это ты и есть. Так и вижу тебя в этом прикиде. Мистер Крутой. Поезжай в «Луиджи» на Бонд-стрит, и они подберут тебе что-нибудь в этом духе.

– Не желаешь съездить со мной после морга – помочь выбрать что-нибудь?

– Только если потом у меня будет свидание с тобой.

В этот момент раздался громкий гудок клаксона.

Обернувшись, оба увидели капот автобуса, стоявшего чуть ли не вплотную к «Вектре».

Брэнсон переключил передачу и тронулся с места. Через несколько минут, спустившись с эстакады, они миновали гигантский супермаркет «Сэйнсбери» и, подъехав к похоронному бюро, резко свернули налево в кованые железные ворота, приваренные к кирпичным колоннам с маленькой неприветливой табличкой «Городской морг Брайтона и Хоува».

Грейс никогда не тешил себя иллюзиями, что в этом мире все прекрасно, а посему вел замкнутый образ жизни. Но здесь, по крайней мере, зло не пыталось скрывать свою суть. Он вспомнил подслушанное где-то выражение: «Нет ничего банальней зла». Вот и здесь все было просто и буднично. Длинное одноэтажное здание, окруженное какой-то мрачной атмосферой с серой облицовкой под крошку и пандусом под козырьком для машин скорой помощи.

Морг был перевалочной станцией для путешествия в один конец – на кладбище или печь крематория – для людей, умерших внезапно, в мучениях, либо скоростно, после таких болезней, как вирусный менингит, когда результаты вскрытия в дальнейшем могли пригодиться живым.

Обычно, въезжая в эти ворота, Грейс чувствовал, как его непроизвольно охватывает нервная дрожь, однако сегодня все было иначе.

Сегодня он ощущал душевный подъем. И отнюдь не потому, что им предстояло осматривать мертвое тело. Просто здесь работала одна женщина. Та самая, с которой у него на сегодня было назначено свидание.

Впрочем, сообщать Гленну Брэнсону об этом он не собирался.

17

Осторожно, боясь поцарапать «Феррари» Рона Спэкса, Том задним ходом вывел свой «Ауди» со стоянки и, озабоченно хмурясь, набрал номер Келли.

Стоило вспомнить об истыканной ножом женщине, как его бросало в холодный пот, однако эта жуткая картина по-прежнему так и стояла перед глазами. Это не могло быть ничем иным, как фильмом! Это должен быть фильм! Ведь фильмов сотни, не мог же он видеть их все! Или рекламный ролик. В наше время можно запросто понаделать кучу спец-эффектов. Ну конечно, это был фильм.

Это должен быть фильм.

Но Том знал, что сейчас он просто пытается сам себя успокоить. Издевательства над его компьютером, угрозы по электронной почте... Он поежился, словно над головой проплыла темная туча. Так что же за чертовщину он на самом деле видел во вторник вечером?

В трубке зазвучал голос Келли – к счастью, уже чуть повеселевший.

– Приветик, – прощепетала она.

– Дорогая! Извини, что так долго, просто это был очень важный клиент.

– Да нет, все в порядке. Дело, скорее всего, во мне самой. Просто это было... ну знаешь... страшновато.

Пока Том ехал вдоль ряда фабрик и пакгаузов, на посадку зашел еще один самолет, и ему пришлось повысить голос:

– Расскажи как можно подробнее, что случилось.

– Обычный телефонный звонок. Мужчина спросил, не дом ли это Брайсов, потом – не я ли Келли Брайс, а когда я ответила утвердительно, сразу дал отбой.

– Знаешь, что это было? – спросил Том. – Судя по всему, какой-нибудь мошенник. В газетах чуть ли не каждый день о таких пишут: у них целая организация. Звонят людям, говорят, что они из банка и что им нужно уточнить кое-какие сведения. Например, просят подтвердить кучу разных подробностей об их доме, паролях, банковских счетах и кредитных карточках. Это вполне мог быть один из них, а тут – помехи на линии... Погодка-то та еще!

– Может быть. – Судя по голосу, Келли верила в это не больше, чем он сам. – У него был какой-то странный акцент.

– Что значит – странный?

– Не английский, а скорее европейский.

– И этот тип больше ничего не говорил?

– Нет.

– А ты не ждешь доставки какого-нибудь заказа?

– Н-не совсем, – слегка запнувшись, пробормотала Келли.

Твою мать! Наверняка опять что-нибудь «выгодно» прикупила!

– Дорогая, что значит «не совсем»?

– Торги еще не закончились.

Том даже не стал спрашивать, что это за чудо из чудес.

– Послушай, я постараюсь быть дома пораньше. Мне надо только заехать в офис за ноутбуком, с ним должны были уже разобраться.

– По-прежнему барахлит?

– Да, там прочно засела какая-то пакость и не хочет убираться. Как погода?

– Солнышко вышло.

– Тогда, может быть, если я успею вовремя, пожарим мясо с ребятами?

– Да, – неуверенно протянула Келли. – О'кей... может быть.

Выруливая на главную магистраль и озираясь в поисках указателя на Лондон на разворотном круге чуть впереди, Том подумал, что против обыкновения ответ жены прозвучал неуверенно и даже как-то уклончиво.

Всю дорогу домой, ползя, как черепаха, по всегда забитой машинами узкой автостраде М-4, ставшей еще теснее из-за проклятой автобусной линии, открытой с нелегкой руки зампреьера Джона Прескотта (сколько раз Тому хотелось поджарить мошонку этого напыщенного

типа в раскаленном масле!), он ломал голову, зачем кому-то понадобилось звонить, а потом вешать трубку. Скорее всего, это был запутавшийся водитель службы доставки с очередным приобретением Келли. Все очень просто. И не о чем волноваться.

И тем не менее Том места себе не находил, потому что Келли, Макса и Джессику любил до безумия.

Его родители погибли в аварии на автостраде М-1 из-за тумана, когда ему было двадцать. Единственные близкие родственники обосновались в Австралии. Брат Зак, пятью годами младше, так и не сумевший оправиться от потрясения, стал бомжом-наркоманом и жил на Бонди-Бич в Сиднее благодаря случайным заработкам, остальное время посвящая серфингу. Дядя с материнской стороны, осевший в Мельбурне, не видел племянника с десяти лет и даже не удосужился приехать на похороны его родителей. Поэтому Келли, Макс и Джессика были Тому милее всех на свете, и он души в них не чаял.

Когда автострада кончилась и началась Кромвель-Роуд, его телефон зазвонил. Номер на определителе не высветился.

Том нажал на кнопку приема звонка.

– Алло?

– Это говорит Том Брайс? – произнес мужской голос с сильным восточноевропейским акцентом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.